

Зарф Берт

12+

ВЛАДЫКА
БРИЛЛИАНТОВ

Lars Gert

Владыка бриллиантов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68255173

SelfPub; 2022

Аннотация

На свете живёт один великан, который не любит ни с кем ничем делиться; однажды он замораживает всё вокруг своим дыханием, и наступает вечная зима, от последствий которой страдают гномы, эльфы, люди. Вся сила великана, и единственная его страсть – в алмазах...

Текст – намеренно архаичный, дабы придать описанию налёт некой древности. Также, местами текст интонационный, и если внимательно читать, может сложиться впечатление, будто некоторые предложения по своему построению скорее стих, нежели проза.

Книга посвящена Olli Moonbow

Содержание

1. Алмазный король	4
2. Страшная клятва	16
3. Зло бывает синим	32
4. Лунная радуга	41
5. Красавица и чудовище	55
6. Путь на север	68
7. Великанье логово	82
8. И пришла весна	102
Примечания	116

Lars Gert

Владыка бриллиантов

1. Алмазный король

Давным-давно, в стародавние времена жил да был один король, и король сей был могуч, потому что был Он великан. Отцом Ему было Время, а матерью – одна из многочисленных гор Севера. Посему для многих, произошедших позднее, случилось так, что король тот был всегда.

Король этот величал Себя таковым неспроста: Он явился в мир тогда, когда королей ещё не водилось – ни среди *гномов*, ни среди *эльфов*, ни среди людей.

С самого дня Своего рождения предоставленный Самому Себе, пуще всего на свете король возлюбил Своё отражение, и подолгу лицезрел Свой лик в *Тихом омуте*, который поначалу отражал лице знатное и благородное, а позднее – лице, испещрённое бороздами высокомерия и тщеславия. Король любовался отражением Своим, ибо был Он дивен и красив. Была красивой и природа, окружавшая Его, но королю было не до неё. Часами, днями, месяцами и годами король-великан полёживал у водоёма, пребывая в состоянии полного, абсолютного покоя, и лишь изредка недовольно озирался, хмурясь на весёлый щебет птиц: не любил, не выносил ко-

роль никакого движения вокруг Себя – потому и зеркально чистый омут, заколдованный королём, был лишённым волн, и ледяным, ибо таковым было дыхание Самого великана – мёртвое да морозное!

Время шло, и мир менялся; изменился и король, став ещё более самолюбивым. Его холодное сердце, остуженное Им Самим, продолжало черстветь. Эта гигантская амёба, эта глыба помимо занятия ничем всё же имела одно ремесло, в котором знатно преуспела: король любил шик, блеск и великолепие. Потому собственноручно сутками напролёт, когда всё же отводил свой взор от омута, огранял некогда лежавшие на дне омута драгоценные камни, превращая алмазы в бриллианты – силою не одной только мысли, но также вращая их в своих ладонях, ведь обладал король магией. И делал Он это очень медленно, потому как был ленив; однако за многие тысячи лет огранённых алмазов накопилось предостаточно, чтобы король выстроил Самому Себе и замок, и трон в нём. И строения, сооружения сии являлись удивительной, своеобразной комбинацией льдинок и бриллиантов – таких же полупрозрачных, безжизненных и ледяных, как и Сам великан Севера.

Однажды король понял, что наг, и задумал прикрыться робой, но огромная лень сковала и плечи, и локти. Через двести лет пересилив Самого Себя, *Алмазный король* послал мощный энергетический импульс в сторону ближайшего леса, и ныне облачён Он в шкуру огромного медведя – из тех,

что уже не водятся ныне. И подпоясал чресла Свои кожаным ремнём, и обувь справная на стопах Его. И тяжёлые наручи с острыми шипами на руках Его для устрашения, ибо король-затворник ни к кому не ходил в гости, и Сам к Себе никого не звал, не искал ни с кем встреч и не имел друзей. Рабами же Ему были стаи чёрных ворон, и стаи летучих мышей-вампиров. И пауки в числе рабов Его, и всякий непрошенный гость – в прочной, липкой, цепкой паутине их.

И увидел Себя в зеркале Тихого омута Алмазный король в очередной раз, и понял, что это хорошо – так, как Он выглядит сейчас, хотя кое-чего всё же явно не доставало.

– Коли Я – не Король? – Изрёк великан, и вот: диадема на главе Его, из серебра и хрусталя, инкрустированная любимыми, нестерпимо дорогими сердцу бриллиантами.

Чёрный плащ до пят на короле. Пред Ним же, на столе – посуда серебристая, ибо любо-дорого глядеть Ему на блеск. И питался великан ничем, запивая всё водой из Тихого омута.

Так и жил Алмазный король ещё некоторое время, наедине с Самим Собою, в вечном сумраке среди мёрзлых скал, пока ноги не вынесли Его вон из Его покоев.

И изменился в лице король, когда увидел, что прозевал Он сотворение живых существ, подобных Ему во многом внешне, но гораздо меньших по размерам. Увидел Он движение в лесах, и то было пробуждение ещё юных, ещё не мудрых длинноухих эльфов, в туниках и мантиях. И песни

их, их радость при виде пёстрых птиц, цветущего густотравья и крон деревьев совершенно не понравились Алмазному королю.

Великан глянул в другую сторону, и вот: под одной из гор копошатся гномы, и их трудолюбие и упорство вызвали резкое отторжение в уме и груди Алмазного короля.

И глянул великан в третью сторону, и присел от неожиданности: новое, доселе невиданное Его пернатым лазутчикам открылось Его взору. То были люди – которые, как и гномы с эльфами, похоже, были в великой дружбе с флорой и фауной.

Король глядел с огромной высоты, на долгие *лиги* вперёд, ибо имел острое зрение, которому позавидовал бы даже беркут. Он слышал не прекращающийся шум, и Его прекрасный слух начал уставать от этого гула.

– Это ещё что такое?! – Рывкнул король так, что задрожали хребты. – Есть лишь только Я!

С досадою король, который наивно считал Себя единственным антропоморфным существом, покинул Свой каменный сад, ледяной сад, и удалился в Свои покои. Он прикрыл веки и уши, и погрузил Самого Себя в сон, но лишь отсрочил кончину Своего одиночества: проснувшись через пятьсот лет, Он поразился размаху, что устроили народы.

Как муравьи, понастроили они себе жилища, проложили дороги и вели оживлённую торговлю. Более же всего Алмазного короля смущало то, что новые творения подбирались к

Его владениям всё ближе и ближе, совершенно не боясь холодов Севера. Они настолько преумножились в числе, что у великана аж рябило в глазах. Также Его тяготило и то, что среди них ходили-бродили такие чувства, какие были чужды Ему Самому.

– Я не понимаю, что происходит! – Взмолился Алмазный король, не выдержав однажды. – Кто это, и что это? Их всё больше и больше, и они совсем не боятся Меня... А то и во все не знают о Моём существовании? Они болтают без умолку на разных языках; они помогают друг другу. Они прикасаются друг к другу ртами на мгновение, и у них появляются их маленькие копии! Они постоянно в движении, будь то простой поход по тропе или же строительство какой-нибудь ерунды. Мой покой, Моя беспечность, Мой уют и комфорт разрушены и уничтожены! Я так привык быть в тишине, нарушаемой лишь Моим же дыханием или же стуком Моего сердца... Мне лучше, когда на Меня никто не смотрит, не задаёт Мне каверзных вопросов, и когда при трапезе никто не заглядывает Мне в рот. Когда Я в гордом одиночестве, Я чувствую Себя более уверенным, более раскрепощённым; тогда у Меня отсутствует тремор конечностей – не трясутся руки с кружкой в руке, не плещется в нём напиток, не проливается из кружки. Итак, пойду же, и погляжу на этих непосед! Рассмотрю-ка их поближе, да узнаю получше.

Ибо лишь Себе до конца доверял Алмазный король, не шибко надеясь на Своих шпионов на вроде всяких злых тва-

рей, которые скрежещут клыками во тьме.

И вышел на тропу войны король, облачившись в свой странный наряд, являющий собой гармонию черноты и блеска. И нанёс Он Себе на лице мел да известь, а глаза и некоторые другие части лица раскрасил дёгтем – дабы никто не посмел увидеть Его прекрасного лица, кроме Него Самого. И оставил злого, но верного пса сторожить свою блестящую ледяную крепость – пожалуй, пёс был единственным существом в этом мире, кого Алмазный король любил хотя бы на четверть того, насколько любил Себя. Он кормил этого пса, Он ценил этого пса, и последнее время они уже вдвоём гляделись в Тихий омут – но или водоём не оказывал такого разрушающего воздействия на пса, или тот сам по себе мог любить только хозяина – в любом случае, спустя годы пёс оставался всё тем же, тогда как Алмазный король продолжал всё больше боготворить Себя, обожествлять Себя, восхищаться Собою.

Итак, спустился великан тот с гор, на время значительно уменьшившись в размерах, и начал украдкой наблюдать за новоиспечёнными соседями – да так, что они сами Его не видели, даже не подозревая о Его существовании – ибо хоть и приблизились они вплотную к владениям Его, обитель Его всё ещё была сокрыта для них, окутанная вечным мраком и туманом, скрывающим вершины гор, на одной из которых и был выстроен замок.

И узнал король, что живущие в лесах имеют неограничен-

но долгую жизнь – это Он понял сразу, по глазам эльфов; более того, Он мог беспрепятственно заглядывать к ним в душу, и понимать, что в них творится и происходит, ведь весьма силён Алмазный король, силён телесно и ментально. И много было среди эльфов мудрецов и друидов, прорицателей и магов, лодочников и звездочётов, музыкантов и летописцев.

И узнал король, что роющие норы в горах есть гномы, и живут они много меньше эльфов – срок их жизни был примерно равен пернатым падальщикам – одним из немногих, кому хоть немного доверял великан. И много было среди гномов кузнецов и ювелиров, столяров и плотников, каменотёсов и шахтёров, оружейников и рудокопов.

И узнал король, что люди смертны, и живут недолго; очень это по сердцу Ему пришлось. На кладбищах же людских стояла та самая тишина, что так полюбилась великану. Посему, блуждая порою незримо среди новоявленных соседей, Он нередко отлучался, идя тропой, ведущей к захоронениям их. И думал, размышлял Алмазный король, как бы поскорее сжить со свету, извести проклятых захватчиков, что посмели вторгнуться без спросу во владения Его.

– Вот, полчища их всюду; осиный рой. Селенья множатся, вширь да ввысь. Башни, грохочущие колокольнями своими; мельницы да стук рабочих инструментов. Стук-постук кругом; нестерпим на слух. И нет среди них разлада, и над каждым народом – свой собственный король, а ведь неко-

гда было совсем иначе, когда лишь Я ходил среди высоких гор, среди холмов, лужаек и долин, среди полян, среди лесов. Оскорбительно сие, раздражительно сие, и намерен Я покончить с этим всем.

И напустил Алмазный король большую стаю диких *лютоволков* Севера, но справились на раз с ними все живущие племена. И напустил медведей – результат всё тот же.

Тогда подсказало великану отражение Его в Тихом омуте, что надобно хитрее быть, и велело призвать всесильных, влиятельных, могущественных духов. Но бриллиантовый властитель послушался зова с поверхности обледенелого водоёма и решил продолжить Свои изыскания Сам.

Великан, несмотря на Свою былую лень, стал изумительно работоспособен: теперь у Него появился стимул что-либо предпринимать. И сшил Он Себе шляпу-цилиндр абсолютно чёрного цвета, и сей головной убор был волшебным – всё могло в нём уместиться, всё могло в нём исчезнуть навсегда. И, наоборот: из цилиндра можно было вынуть невообразимую диковинку. На то и был расчёт: Алмазный король на время отринул всё Свое высокомерие, воссмердел к Своей гордыне, и в любопытстве Своём великом снизошёл до чад, дабы морочить им голову. Он устроился клоуном на ярмарке развлекать народ, дуря голову детям, вынимая из шляпы белого кролика, жонглируя тремя мячами, стоя при этом на одной ноге и отчаянно пытаясь выдавить на Своём лице весёлую, смешную гримасу. Может быть, трюк Его удался бы;

возможно, его сочли бы успешным – но малята стали пропадать – сначала по одному, а потом сразу по несколько голов в день; сие не осталось не замеченным.

Люди первыми забили тревогу, ибо именно среди них ошивался *Бендикс* – так прозвали Алмазного короля люди, не ведая, кто Он на самом деле.

И нашли они пещеру, в которой валялись лишь обглоданные кости – всё, что осталось от трёхдневной пропажи, мать и отец которой подняли шум. Рядом же с костями нашли очень мелкие блестящие крупинки – не пыль, не песок и не град, и уж тем более не соль и не сахар, хотя с виду эти белые, блестящие, полупрозрачные камешки можно было принять за них. На зуб они были твёрже любого из известного людям материала, вкуса и запаха не имели. Когда особо любознательные вложили пригоршню себе на ладонь, то мгновенно ощутили некий далёкий, но всё же откуда-то знакомый холодок, едко и пристрастно впившийся в грубую кожу. Как мелкие иглы, но почти безболезненные, хотя алмазики были прекрасно огранёнными. Несмотря на миниатюрность, они были достаточно тяжелы по весу, да так, что пригоршня таких камней была сродни куску гранита, который мог бы уместиться в среднюю ладонь.

– Какой-то противоестественный вид у этих камней! – Удивлённо воскликнул владыка эльфов, с интересом взирая на находку, которую приволокли ему труженики-гномы. – Однако, признаться, я не видывал иных, столь же драгоцен-

ных, хотя живу я уже прилично.

– Дозволь, владыка, провести нашими мастерами над нами ряд опытов, – Просили гномы. – Мы лучше разбираемся в кристаллах.

– Но именно мы обнаружили их первыми! – Запротестовали люди. – Эти кристаллы валялись рядом с костями дочери нашей землячки.

Тогда эльфийский король, не мудрствуя лукаво, повелел отсыпать алмазный песок поровну, разделить на три равные части по сосудам.

Алмазный король, наблюдая издалека за размолвкой среди народов, невольно усмехнулся. И это был первый Его смех, и одновременно первый серьёзный спор меж племенами.

– У Меня этих камней полные карманы, – Довольно поглаживал Себя по животу великан. – Посмотрим, что будет дальше.

Людам было невдомёк, что делать с камнями; их детям также была с ними страшная скука – отложили в чуланы до лучших времён, когда взбредёт-таки на ум, какое применение им назначить.

Эльфы были гораздо более разумны, но они, в отличие от людей, жили несколько иными вещами – оттого и они не смогли (или не захотели) вызнать все тайны и секреты алмазов.

Гномы же, сокрушая скальную породу, умели обращать-

ся с подобным материалом. Собственно, алмазы были им не в новинку, не в диковинку – но именно *эти алмазы* всё же сбили с толку. Так, они были намного твёрже любого из металлов, и могли даже разрезать их; на Солнце они светились всеми цветами радуги, и единственным их недостатком являлась высокая хрупкость. Самым же удивительным во всей этой истории оказалось то, что гномы мастера установили примерный возраст камней, и составил он около двух с половиной миллиардов лет! Тут-то они и присели от неожиданности, ибо древнее этих алмазов были, пожалуй, лишь земная кора, базальт и гранит. Магической же составляющей был нестерпимый холод, веющий от них, иглами проникающий глубоко в кожу, впивающийся в неё, а также большая масса самих камней – это подтверждали и люди, первыми наткнувшиеся на них в пещере людоеда.

– Лютует Бендикс. – Говаривали на ярмарке после очередной пропажи детей – поняли, уяснили со временем люди, что именно клоун причастен к злодеяниям.

По всем землям, по всем королевствам вывесили изображение злого волшебника и людоеда – в его фирменной шляпе, с бледной, размалёванной физиономией, с тростью-костью в руке, облачённого в подобие фрака или сюртука, в жилете и галстуком «бабочка».

– У Него рыбы глаза, господа, – Шептались на рынке. – И голос... Голос такой писклявый – будто целую неделю Тот питался исключительно сырыми яйцами – но очень сильный,

в пять октав и сто двадцать децибел – бьются окна и стаканы от Его криков, визгов, воплей. Иногда Он переходит на злобный, тихий, рычащий, ворчащий бас, но, в основном, срывается на Свой проклятый фальцет, режущий слух, точно остро отточенный серп в широком хлебном поле.

– Поразительно, не находишь? – Обратился Алмазный король не то к Своему псу, не то к Своему отражению в Тихом омуте. – Неужели у Меня такой голос?

Великан не учёл, что при самопревращении из габаритного увальня в человекоподобное существо голос Его также видоизменяется, становясь более тонким и мелодичным.

– Ну, хорошо, – Сам с Собою согласился Алмазный король. – Игры закончились; теперь Я буду действовать несколько по-другому...

2. Страшная клятва

На рассвете следующего дня небо было поначалу тихим и беспечным; ничего не предвещало беды – ни климатической, ни тем более магической. Вокруг было спокойно и свежо от росы; ничего ещё не пробудилось.

Наконец, спустя некоторое время часть бескрайнего горизонта приобрела холодный, бледно-малиновый оттенок, который становился всё ярче и всё жарче, пока вся нижняя область небес не обагрилась зарёй. Вначале розовое, а ныне алое небо постепенно прогревалось; подул лёгкий ветерок. Лишённое туч и облаков небо начало приобретать оранжевый оттенок.

Одинокий солнечный луч, медленно перемещаясь, упал в густотравье, и продолжил всё столь же медленно идти дальше, пока не наткнулся на какое-то древнее сооружение, всеми давно уж позаброшенное.

Когда невинный лучик достиг середины развалины, то сразу же внезапно раздался некий хлопок, или же сухой треск – уж кто как услышал.

«Развалиной» оказался огромный круглый каменный стол, высившийся на скале, с виду неприступной, с которой водопадом обрушивалась в бездонную пропасть ледяная вода. Стол же безмолвно стоял посередине, и бурный поток с двух сторон нёс свои воды вниз, как бы обволакивая его.

Стол был одинок – лишён стульев и гостей, которые сидели бы на них. Более того, вряд ли это был обеденный стол – кто-либо, подошедший ближе, несомненно, отметил бы некую странность, некую таинственную загадочность, точнее – какую-то скрытую угрозу, убаюканную на века, а ныне, похоже, пробудившуюся.

Основание стола было высотой около семи футов, а его площадь не измерял никто – доселе не отважился к нему приблизиться ни гном, ни эльф, ни человек; даже злые существа обходили его стороной, от греха подальше, ибо ходили слухи, что однажды этот стол стал свидетелем чего-то такого, от которого волосы дыбом и кожа мурашками.

Тогда, много веков назад, та же кровавая заря освещала стол; то же небо возвышалось над ним, и тот же ветер гулял туда-сюда, вкривь и вкось, адской флейтой дующей в любую едва заметную щель.

Тогда, давно уже ушедшим ранним утром, у гигантского стола, являющему собой самый настоящий жертвенный алтарь, собрались шестнадцать, и главы их были покрыты, а имена – сокрыты.

Подошли они разом; никто не заставлял другого ждать. Медленно, не спеша приблизились они к каменной твердыне, и вытянули пред собою руки, и руки эти не касались ни поверхности стола, ни незнакомцев, ибо и стол сей был велик, и взошедшие на утёс не вплотную подошли к валуну.

Эти шестнадцать пришли из ниоткуда, и род их неизве-

стен; иные говорят, что они – из *свирипеев*; не то бесплотных духов, не то – обращённых во зло вождей лесных эльфов. Как бы то ни было, никто никогда не видел их лик, их истинное обличье, а прочесть их мысли и вовсе есть великая и сложная загадка.

Эти шестнадцать были облачены в длиннополую робу абсолютно чёрного цвета, поглощающего в себя все иные цвета. Их головы были прикрыты то ли капюшонами, то ли покрывалами, то ли полотенцами – закрыты их лица, точно с *лепрозориев* они, али какими иными шрамами отмечены.

Сии *дементоры*, сии *назгулы* очень долго хранили молчание, продолжая стоять с воздетыми верхними конечностями, и со стороны казалось, будто эти застывшие тряпичные изваяния весьма больны – возможно, не физически. Тот, кто их призвал (ибо вряд ли в это гиблое, пропащее место придут по своему желанию), точно околдовал их сильными чарами, ибо эти странные безумцы даже не дышали, словно они – натуральные *умертвиш*, выбравшиеся-таки из своих злосмрадных могильников.

Немного погодя, чёрные привидения усилием мысли приподнялись, оторвались от земли, и вот – их стопы ныне в воздухе¹. Тогда, вдруг взявшись за руки, эти шестнадцать учинили хоровод, и песнью их являлся то приглушённый гор-танный рокот, то тихий-тихий шёпот; медленный, устрашающий, пугающий, настораживающий и вызывающий иные,

¹ Похоже, речь идёт о частичной левитации.

то противоречивые, то однозначно негативно-отрицательные помыслы в сердцах тех немногих, кто их слышал – но таких было до крайности мало; ещё скуднее было число тех, кто понимал то, что бормочут злыдни, и тревога отныне навсегда среди них. Большинство же зрителей и слушателей были лишь некоторые пернатые создания, да всякие гады, что водятся в трещинах высоких гор. Таким образом, можно счесть, что кружение чёрных мантий прошло почти незаметным.

И проснулась едва успокоившаяся ночная неясность, и встрепенулась вся. И учуяв недоброе, на всех крыльях полетела к ближайшему лесу, и стала биться своими взмахами о красиво изрезанные ставни окон в королевском дворце.

– Чего надобно тебе? – Удивлённо поинтересовался эльфийский король у прилетевшей совы.

Разбуженная искусственным ветром птица с утёса была столь напугана, что не смогла толком ничего рассказать, но владыка Мудрых понял её без слов.

– Сие есть чепуха и сущий бред, – Изрёк король-эльф *Даннор*. – Что с того, что пугала предрассветные устроили себе шабаш? Я не думаю, что в них вложен истовый вред; боюсь, всё это не более чем развлечение, ведь и злым духам не чужд праздник да веселье. Ступай, и не морочь мне голову впредь! Бестолковая птица...

Тем временем зловещие чернецы прекратили свой хоровод – но лишь затем, чтобы вращать его теперь уже против

часовой стрелки. После, они опустились на землю, и снова вытянули свои руки, и возложили их на алтарь – но не одновременно, а по очереди, и ожидание очереди равнялось речи, произносимой тем или иным восставшим из преисподней свирепеем, и речь каждого из них походила на страшную, ужасную клятву – горе тому, кто подслушал её, ибо вначале в жилах стынет кровь, а немного погодя – дикая, мучительная смерть.

И сказал первый:

– Клянусь распространять мор на земле, и инструментом моим да будет пища; я прикинусь придорожным трактирщиком, и мимо моей похлёбки не пройдёт ни один живущий – ни сытый, ни голодный. От еды моей не оттащишь за уши, но яд сие, отрава. Стяжать я буду подобных себе, и наводнитесь край проклятыми харчевнями, проклятыми тавернами; сдохнет люд – и стар, и млад – но не догадается никто, отчего причина. Они будут продолжать приходить, будут продолжать есть. Через несколько дней да настигнет их всех люта погибель, но винить они будут что угодно и кого угодно – но только не меня, не пищу мою, не подручных моих. Всё во славу Алмазного короля!

И сказал второй:

– Музыка есть отрада для души; отравой для души и тела она станет чрез меня. Ибо музыкой своей вносить буду разлад, и диссонанс, и какофонию; уши будут затыкать, но лишь вначале. Как наркотик она всем станет. Они будут слу-

шать меня, и сами захотят играть так же: уйдут в лес, и принесут ветви или ствол; и выстругают дуду али щипковое, и настроят ниже привычного для слуха; и станут играть быстро-быстро – да так, что *тремоло* превратится в сплошную ноту, один звук. Они воздвигнут себе на погибель *октобас*, и тот, извлекая тритоны на предельно низкой глубине, пробудят зло. Сами себя они возьмут в капкан, и не смогут более остановиться; они будут хотеть играть, нестерпимая то страсть. Музыку им подавай как пищу – а то и чаще; свихнутся, а потом – одумаются, но будет слишком поздно. Клянусь, клянусь, клянусь я убивать посредством музыки. Всё во славу Алмазного короля!

И сказал третий:

– Клянусь быть самым лживым, самым продажным торговцем в мире, и мои ткани, мои шелка будут нарасхват. Однако через некоторое время покупатели начнут чесаться и терзаться, но подумают не на меня и не на мой товар. Снова и снова они будут приходить ко мне, а я буду щедро одаривать их алмазами – которые на самом деле окажутся *кристаллами-оборотнями, драгоценною обманкой*: вопьются они в кожу, точно клещ или клоп, и не отпустят больше. Всё во славу Алмазного короля!

И сказал четвёртый свою клятву, но неясить, не дослушав его речь, стремглав помчалась по высям небесным обратно во дворец.

– Полноте выдумывать тебе! – Рассердился Даннор. – Тот,

кому они там присягают, уже давно исчез; много вёсен я не видывал Его, не слыхивал о Нём. Пустословие одно. Даже если всё так, как ты твердишь – не думаю, что этот Алмазный король станется опаснее *Бендикса*.

В унынии, в отчаянии великом летит неясить незаметно; под облаками, под Солнцем она. Скрылась и сидит себе претихо; невдомёк шестнадцати, что клятвы их слышны кому-то, понятны и ясны.

Когда клятву презлую, престрашную явил своими устами шестнадцатый, то неясить охватила своими крыльями главу, и сидела так некоторое время.

И в третий раз прилетела неясить, с головы до лап покрытая страхом, но не открыл ей форточку Даннор, не впустил её. Не внял он птице трижды – что ж; авось, действительно привиделось, примерещилось глупой птице, аки дурной сон.

Но случилось непредвиденное: шестнадцать свирепеев клялись не столу, и не друг другу, но Тому, кто много древнее и их, и всех прочих; Тому, кто, победив Свою лень, предприимчиво дерзнул отважиться на злодеяние великое и могущественное. По собственной воле присягнули они на верность Тому, кого сочли достойным.

Вот, сошёл Он с гор пред каменный и жертвенный алтарь во всём Своём великолепии; так и сияет, сверкает солнечный луч, пронзая собой насквозь алмазы, бриллианты на Его чёрных одеждах. То не шкура и не кожа – не шёлк, не бархат, не атлас; не махр и не замш. И блескуча, и черна, и перелив-

чата, темна та ткань; плотная, но лёгкая, и в самый раз.

Ибо собственной персоной Он, Бендикс-великан, соизволил вдруг предстать пред лице рабов Своих; Алмазный король снизошёл на стол-престол из густого, непрозрачного тумана, поглотив Собою все краски утренней зари.

И вынул Он из-за пазухи один прозрачный камень, и вот: обагранный кровью верной Даннору неясности, *Рубин* пред очами. И вынул Он другой такой же камень, и протёр листовую и травую ядовитых флор – *Изумруд* прям на ладони. И вынул третий, и долго держал в талой мёртвой воде, ибо рядом водопад – се, пред глазами он, *Сапфир*. В четвёртом камне – лунный свет, а в пятом – солнечный. И были это камни с большой буквы, а не те, что добывают в копиях гномы.

И склонились шестнадцать, и даже пали ниц. И надрезав каждый длань свою, дали ещё более страшную клятву; страшнее, нежели прежде, ибо клялись на крови и в присутствии Того, кому клялись. И клялись они Богоубийце – Тому, кто собственноручно убил Бога, ведь прозевал Бендикс-великан сотворение венцов божественного замысла, и за это отомстил жестоко. Отныне всё хорошее, что может быть, выйдет из-под руки эльфа, реже гнома, человека – и подавно; зло отныне правит миром, оно – во всей своей красе.

Внимательно выслушав клятвы всех свирепеев, присутствующих близ кромки воды бушующего водопада, разрезанного на две части каменным столом, и стремительно низ-

вергающегося вниз, Алмазный король, находящийся среди них в обличье злого волшебника Бендикса, с тростью-костью в руке, шляпой-цилиндром на голове и трупной краской на прекрасном лице снял перчатки и повелел в знак почтения принести одного из шестнадцати в жертву Ему, властелину кристаллов, властелину бриллиантов, властелину всех камней драгоценных.

И не убоился шестнадцатый, но безропотно, покорно, смиренно дал себя сгубить во славу Алмазного короля – а Тот, напившись вдоволь его крови, отметил, что та пришлась Ему по вкусу – интересно, а какой на вкус она у эльфов, гномов и людей? Он пробовал однажды, съев живьём одну бедную и несчастную девочку по имени *Эбигейл* в тёмной, сырой и прохладной пещере, но было это весьма давно и неправда – зато правда то, что однажды она воскреснет и начнёт мстить своим родным и близким за то, что не спасли, не уберегли её, хотя нет на то вины их.

Возложив окровавленные персты на главы Своих слуг, почёрному благословил их князь тьмы и зла на худые деяния их.

До конца покорившись воле направляющего их, пятнадцать свирепеев отправились прочь от мерзкого капища, дабы исполнить все заветы, врученные им. Однако же, не дремлет провидение, хотя Бога уже нет: до селений из пятнадцати немилосердных духов добрались лишь тринадцать – но и их было вполне достаточно, чтобы поставить под сомне-

ние, под вопрос наличие в будущем всякой жизни на земле. Один из пятнадцати, добравшись вначале до владений своих, вдруг ощутил какое-то непонятное чувство, внезапно охватившее его. Неожиданно он охватил ладонями голову свою, и начал в непонятном для самого себя бешенстве кататься по полу, и была это скорее духовная, нежели физическая, ломка: раскаялся подлец, и вовремя, ведь не успел ещё сгубить он душ, хоть и продана его собственная душа в вечное служение мраку. И в горечи, в исступлении великом наложил на себя руки свирепей, и издох, испустив дух. Его временное тело обратилось в прах; рассыпалось оно, а душа сгнула во мраке – туда, где нет места всякому свету.

Другой из пятнадцати также ощутил в себе всякое раскаяние, но пошёл дальше свирепея-самоубийца: не о себе, о других он вдруг подумал, и вот: превозмогая всю свою прогнившую сущность, каким-то образом дополз он до владений *кхуздаиль*, и, сгибаемый своими собственными грехами, на последнем издыхании поведал тайну страшной клятвы гномьему королю.

– Отчего именно мне решил раскрыть секрет ваш гнусный? – Подивился *Фрор*, сидя на троне и глядя сверху вниз на странное, дымящееся существо, на котором не было лица, и у которого не было лица.

Тогда поднялся во весь рост дух в чёрных одеяниях, и скорбь на лице его.

– Лишь твой народ в камнях искусен; лишь он большая

оппозиция Ему.

– Не понимаю до конца я всех твоих речей; молви ясней.

– Уши да услышат, глаза да увидят, разум да поймёт, – Проворчал про себя свирепей, и вид его был жалок. – Иль не видишь ты, что таю я, тлен одолевает? Пока я исполняю волю – я среди вас; призвавший меня есть демон древний и кошмарный. Едва начну творить добро – оболочка моя пойдёт прахом, ибо зло во мне, по сути.

Теперь и Фрор обратил внимание, что всё естество пакостного умертвия противится тому, чтобы тот послужил кому-либо во благо – таял на глазах, развоплощаясь. Осталась лишь тень с горящими огнём глазами.

– Берегись великана с Севера, – Хрипел умирающий дух. – Пуще всего на свете любит Он алмазы; скрывай их от Него. Для Него они как допинг. У Его рабов вместо сердец сосульки, иль алмазы. Вся сила, вся злоба анти-природного бунтаря заточена в блестящих камешках. Живёт Он этим, собирает их. Своих камней Коллекционеру уже мало; все горы Севера разграблены Им, и все доньшки глубоких вод изрыты вдоль и поперёк. Алмазы ест на завтрак, на обед; спит и видит блеск. Соперников увидел среди гномов, ибо мастера вы не хуже Его; эльфов ненавидит Он за то, что им отпущен столь же вечный срок; людей боится так же, ибо и в них есть некий божественный стержень, загадку которого доселе не разгадал Король. Хмурится, хмурится, хмурится Он, глядя на всех вас с вершины башни цитадели Своей, и хочет

заморозить...

Дух умолк, ибо подох; тлен одолел плоть. Духовная же субстанция, извиваясь и чадя, кадя злосмрадием, устремилась ввысь – но не найдя там упокоения, снизошла в ад, где пребывает и доныне.

– Что же было сие? – Вопросал огорошенный Фрор у верноподданных своих. – Говорил он много, но понял я мало; технарь я по природе своей. Я понимаю язык сверттяжёлого молота и остро отточенной секиры, мощной кувалды, кирки и лома. Все предки мои искусно месили глину; мы изобрели железобетон, мифрил, очки и шахтёрские каски. Сидите же здесь, дети и внуки мои; пойду за советом к эльфу – авось расшифрует он мне речи этого недо-негодяя и недо-соглядатая. Тьфу, какая вонь...

И оседлав горного козла, умчался гномий царь в густоющий лес.

Даннор, возлежав на подушках, поедал в обилии фрукты, ягоды лесные. Когда до него донесли, кто пожаловал к нему и стоит сейчас у врат, король всех эльфов приоделся и вышел сам, дабы встретить друга и гостя.

– Приветствую тебя, о Фрор подгорный! – Сделал миниатюрный кивок эльф. – С добрыми ли вестями ты ко мне? Да ещё и сам!

Они проследовали в беседку близ замка – спешившись, Фрор привязал своего козла к дереву.

– Ох, не знаю, Даннор. – И слово в слово пересказал гном

эльфу все речи, что исходили от свирепея-клятвоотступника, свирепея-клятвопреступника. – Сам явился, дабы... Ты же знаешь мой народ: коль не так поймёт – так приврёт. Работяги и трудяги, закостенелые бродяги; слух нам дан хороший, но к отзвукам инструментов наших, да к содроганию гор от катаклизмов. Вы же высоко в ветвях сидите; много знаете и много видите.

И выслушал эльфийский король короля гномов, и стало ему не по себе; дошло, наконец, до Даннора, какую оплошность он совершил, не вняв сове ночной. До окончания времён оплакивать ему неясить, что столь преданной была.

– Одним словом, ждуть беды! – Тяжело вздохнул Фрор, проглотив умозаклечения друга. – Можем ли мы это как-то предотвратить?

– Прячь народ свой в глубины гор, а я заведу свой в непроходимую чащу. – Спокойно, но отрешенно и со слезами на глазах молвил Даннор. – Я пошлю гонца к *Норману*, что сидит сейчас на людском престоле; тому, что воцарился сравнительно недавно. Их жаль пуще всего, ведь негде им укрыться. Лес мой не укроет всех, равно как и твоя гора.

Тем временем Алмазный король, прознав о том, что двое из шестнадцати клятву не сдержали, в страшном гневе рвал и метал. Его хрустальные глаза почернели, помутнели от злости; иссяк в них прежний блеск; серебряные коронки Его зубов скрежетали друг о друга в ярости великой и ужасной.

– Молва приведёт *их* к алтарю, – Смекнул Он. – Узкая, но

всё же приметная зоркому глазу тропа выведет их к жилищу Моему. Они становятся больше – и качеством, и количеством, тогда как Я уже не тот, что раньше.

И сказал король ещё:

– Если месть направит их, если все они выступят с войском, один Я могу не справиться: есть в них что-то, чего Я до сих пор не разгадал. Их Истина, их Правда, их Вера сильнее Моей злобной воли, Моего эгоизма, Моего эгоцентризма, Моего индивидуализма. Они ещё не знают, что Бога больше нет; но они верят в лучшее, в светлое, в хорошее и доброе, а это немаловажно, этого вполне достаточно. Я вижу и понимаю, что на самом деле они не враги Мне, и даже могли бы стать друзьями. Но Я привык быть плохим и злым, Я привык быть одиноким, чёрствым; Я люблю лишь Себя. И Мне не нравится, что они множатся, и селятся всё ближе к владениям Моим. Скоро яблоку негде будет упасть – столь велики они числом. И даже если Я призову всех тварей – Я не уверен, что победа будет за Мной. Я могу многое, Я могу всё – но Я столь древний, столь медленный, ленивый, что боюсь не поспеть за всеми этими народцами, которые, точно букашки, копошатся вон там на склоне.

Вскоре подошла зима, и на долгие годы сковала снегом и льдом, хладом и морозом землю, воду и воздух. Те же тринадцать, что дали клятву, сеяли раздор и сомнение в сердцах и умах – через себя, через деяния свои, через помощников, приспешников своих, коих становилось всё больше и боль-

ше. И сократилось население на девять десятых, и радовался Бендикс сему весьма.

Но боязнь и трусость – побратимы зла; оттого заморозил великан дыханием Своим последнее, что ещё было живо и дышало в этих краях: куда же подевался гул великого двухручного водопада? Того, чьи рукава по левую и правую сторону стола?

Убоявшись отмщения, Бриллиантовый король вынул из груди сердце Своё нерукотворное, состоящее из расплавленного радиоактивного кобальта, волшебного алмаза и покрытое толстой коркой никогда не тающего льда. Это сердце не билось уже давно, но излучало зло и погибель.

Спрятал Алмазный король сердце Своё на высокой скале; на утёсе, возложив прямо в центр жертвенного алтаря. И накрыл Он стол большим покрытием, украшенным дорогими кристаллами, дабы никто не увидел сердце Его, не нашёл его. А спрятал Бендикс сердце в том месте потому, что был уверен, что место это не сыщет никто, ибо кора земная не стоит на месте, и плиты перемещаются под нею. И изначальное месторасположение скалы, с которой лился иссякший ныне водопад, народами забыто; в другом отныне это месте, и ведал о сём лишь Алмазный король – даже пёс Его не знал об этом, да и не надобно знать. Строжайше наказал Бендикс вернейшим из слуг Его стеречь Его сердце, ибо вложил в него Он всю душу Свою, все воспоминания Свои, все мозги Свои – отстранился на время, дабы незримо пребывать в обители

Своей, и напоминал Его нынешний образ жизни спячку медведя в берлоге его.

Спрятал великан сердце Своё в одном месте, и в другом месте спрятался Сам, предварительно охладив весь край до весьма низких температур. Отсыпается теперь где-то в горах, ибо при великой заморозке растерял большую часть силы Своей. Стерегут, берегут грифы, коршуны, вороны и летучие мыши каменный остов как зеницу своего ока; стерегут, берегут по очереди, ибо составили они график, ведь у каждого свой распорядок дня.

Люди же, эльфы и гномы выживают, как могут; немного их уже осталось... И те немногие, что остались, всё ещё хранят память о временах, когда всё было не так, как ныне.

3. Зло бывает синим

Случилось так, что однажды в семье короля *Даннора* родился сын, и рос сын Даннора до крайности любознательным – в детстве его так и прозвали – *Любознайкой*. Также, его отличало обострённое чувство вселенской справедливости – *Эльданхёрд* (таково имя Даннорова отпрыска) не терпел, если что-то шло не так, как надо; ревностно он относился к всевозможным канонам, законам, обрядам, традициям и обычаям. Он впитывал, как губка, всё, что видел и слышал, но никогда, никогда, никогда не покидал он пределов дворца своего отца; также, стены его покоев были лишены писаных картин – вообще-то картины были во дворце, но ни одна из них не изображала пейзаж (а уж тем более весенний и/или летний). Так и вырос Эльданхёрд с твёрдой уверенностью в том, что зима – единственное время года, да и та – лишь как вид из окна.

Но в один (возможно, не самый подходящий день) юный эльф забрёл в запретную дверь и попал в комнату, обставленную иначе, нежели все прочие в замке.

Эльданхёрд шагал взад и вперёд. Он то присаживался и брал в руки, то вытягивал шею, запрокидывая голову, дабы рассмотреть – всё говорило в пользу того, что тайная комната таковой является как Память – воспоминание о том, что раньше было лучше, краше, что раньше было по-другому.

Дивился эльф книгам, которых не видел прежде; ещё больше дивился картинкам и текстам внутри них – на иллюстрациях преобладал столь милый эльфам цвет зелёный, на фоне которого – соцветия благоуханных трав да самые разнообразные животные и птицы. И присел от неожиданности эльф, совершенно сбитый с толку, ведь словно в иной мир окунулся он. Точно пелена упала с глаз, ведь на полотнах запечатлён был изначально райский вид их края, а не та белая и колоче-холодная, безжизненная пустота, которой довольствовались все живущие ныне.

В диком гневе, ярости предивной, бешенстве ужасном, с воплем на устах вбежал эльф в покои матушки своей, потребовав немедленно ответа.

– Отчего вы прячете всё от меня? Зачем скрываете вы правду? Почему, и, главное – за что? – Слёзы льются по щекам от боли и обиды, ведь счёл Эльданхёрд предательством поступок родителей своих.

И сказала на сие *Лидвельдит*, мать его:

– Мы не хотели обрекать тебя на муки и страдания; мы знаем, как когда-то было раньше; воспоминания наши – с нами навечно. Ты же ещё юн, и сочли за благо мы умолчать о днях былых, днях славных. Лучше бы тебе знать, что зима всегда довлела над местами сими...

– Кто сотворил это с землёю? Кто украл лето и радость? – Рыдал молодой эльф, потому что узрел, сколь прекрасным был когда-то край его родной.

– Был один волшебник, – Нехотя, недобро начал Даннор, поднявшись на шум. – Он маг почище любого среди нас. Он схватил земную ось и наклонил её так, что всюду лишь зима. Ныне сгинул Он, уснул; а нам – мириться до скончания времён.

– Не верю в эти сказки! – Развернул своё лицо юнец, и нет конца, и края потокам горькой соли из глазниц его. – Ах, зачем меня вы породили?! Ведь вечно буду я несчастен! Ибо знаю я отныне, что всю жизнь мне зимовать...

– Тогда иди, и победи Его! – В сердцах рассвирепел Даннор. – Коль обуял тебя гнев столь праведный, столь пламенный – разыщи и принуди вернуть нам всем лето! Будто мы не пробовали и не пытались – но, как ни старались...

Колкие, ехидные слова отца больно ранили юнца – и вот, от красного словца убёг эльфийский принц на *северном олене*, держа свой путь в неизвестном направлении.

Даннор, глядя через окно в отдаляющийся от замка силуэт, некоторое время хранил молчание, пока не сказал так:

– Если есть сила, идентично равная *Алмазному королю*, но обратная по своему заряду – да укажет она однозначно верный путь сыну моему, сыну единственному и ненаглядному. Да не собьётся с пути отрок, но найдёт себя на нём. Может, ему повезёт больше? Может, ему под силу одолеть владыку бриллиантов? Эх, ведь некогда народ эльфов был могуч, велик, силён; поубавилось умов, щитов, клинков среди нас. Кого не сгубила война – упокоил мор. Видит Бог, мы не

стремились выжить Короля из его владений, а видишь как...

Похоже, что Даннор, коему было уже много тысяч лет, разговаривал сам с собою; осточертела ему *такая* вечная жизнь.

Провидение услышало Даннора, вняло ему и нашло Эльданхёрда – ещё есть добрые духи на этом свете. Вот один из них притаился у эльфа за спиной и пообещал оберегать в случае чего.

Между тем Эльданхёрд, пребывая в крайне скверном, дурном расположении духа, забрёл на свою голову в такую глушь, что лучше б сидел дома – его олень испуганно мычал и больше не хотел идти. И увидел эльф такое, что лучше б ему прикрыть глаза, да во весь опор скакать прочь!

На плоской, гладкой, пологой вершине громадной скалы практически нерукотворно было воздвигнуто нечто до крайности зловещее, на многие века сковавшее тот край в край уныния и погибели. Некогда отсюда в глубокое синее море низвергался гигантский водопад, но силами тёмной, деструктивной магии, силами холода и мороза и многими иными, неподвластными пониманию явлениями сгусток воды, пропитанной насквозь ионами синего радиоактивного кобальта, на этой скале превратился в мрачного вида безмолвный излучатель тусклого, бледного из-за толщи льда света и тяжёлой, негативной, отрицательной энергии, подавляющей всё в этом краю, будь то цветение трав или же движение тел. Край с виду опустел, край хранил тягуче-мрачное молчание

и память, память о былых, лучших временах. Этот враждебный, обманчиво блеклый синий свет был особенно ярк ночью – но и днём, в светлое время суток он продолжал наполнять округу своим недобрým сиянием, пропитывать её просачивающимися сквозь неизбежно появившиеся со временем трещины парами яда. Силами магии, трудами закованных в цепи *кхуздаиль*², волею Алмазного короля искусственному утёсу была придана форма бесконечно глубокого, ребристого, перевёрнутого вверх дном ковчега, и глыба эта словно жила своей жизнью, на протяжении многих лет освещая всё вокруг отравленной ровной синево́й, слегка нависая над морем, некогда плещущимся от радости своими волнами, а ныне покрытом (впрочем, как и всё вокруг) ледяной коркой до самого своего основания, до дна. Снежный покров, веками наслаиваясь выюжными тучами и уплотняясь, превысил половину разницы высоты скалы над морем, намереваясь однажды сравняться со скалой и явить миру сплошную белую гладь, местами зеркальную, местами – непрозрачную. И на этой земле, несмотря ни на что, спустя некоторое время начали выситься поселения эльфов и людей, а странная форма колоссальных размеров вечного синеватого прожектора была единственной достопримечательностью округи, заменяя собой ночью свет Луны и звёзд. Вся история его появления, зарождения, возникновения превратилась в сказку, легенду, миф. И если эльфы ещё хранили некоторые смутные воспо-

² ГНОМОВ.

минания об изначальных, более счастливых, более прекрасных днях, то люди, поколение за поколением сменяющиеся в этих местах, люди, подверженные стремительному видоизменению и более сильному для них, гипнотическому воздействию излучателя, напрочь позабыли как о том, что некогда здесь, в этих краях стояла вечная весна, так и о том, что такое есть, собственно, Добро.

Всё это и увидел несчастный Эльданхёрд, и пустился наутёк – благо, олень его был вовсе не против покинуть проклятое, гиблое, гнетущее место.

– Ты видел это своими собственными глазами? И упорно не желаешь считать всё это обманом зрения? – Поразился Даннор, обращаясь к вернувшемуся во дворец сыну.

Тот кивнул.

Даннор, которого нелегко было запутать, вынул из ларца старинные карты и развернул их. Он сопоставил рассказ своего наследника со всеми возможными маршрутами к одному месту, которое лучше бы и вовсе не существовало.

– Ничего не понимаю. – Пробормотал эльфийский король в присутствии сына, двух пажей и двух эльфийских лучников. – Если мне не изменяет память... Но... Это невозможно в принципе! Каким бы всемогущим ни был Алмазный король – даже Ему не под силу сдвинуть такую крупную, подоблачную вершину, да ещё и перенести её на много лиг от прежнего места. Одно из двух: или ты лукавишь, мой наследный принц, или *Бендикс* на сей раз превзошёл Самого Себя!

Одно я знаю точно: неспроста всё это; ох, неспроста... Ибо для чего великану менять местоположение чёртовой скалы?

Знаком выпроводив лишние уши, Даннор остался с сыном наедине.

– Перепрятал Бендикс Свой чудесный стол, вот только в толк я не возьму: зачем? С лихвою клятва ведь исполнена...

– Какая ещё клятва? – Округлил глаза Эльданхёрд, не понимая.

Уяснив, что проговорился, Даннор сказал следующее:

– Злой волшебник-людоед выстроил Себе любимому алтарь, и было это уж давно; стекались туда на поклон и ради гнусных клятв все, кому не лень – кому не чуждо зло.

– Отчего Он так нас ненавидит? Отчего же – людоед?

– Счёл Он, что отнимем земли у Него, пройдя чрез горы не с добром. Каннибалья же Его натура мне неизвестна, непонятна, неясна; мерзкое это для всех нас – но, похоже, не для Него.

В это время Алмазный король, временно очнувшись от сверхглубокого, сверхдлительного сна³, учуял неладное – Его нюх был почище нюха Его собаки во сто крат, а Его предчувствия ещё никогда не обманывали Его, ибо демон Он того и этого мира, адский сатана; исчадьё преисподней, дьявол во плоти.

Бендикс, протерев Свой глаз как следует, и, вынув его из глазницы, выпустил око блуждать вольно:

³ Великан самого себя ввёл в состояние летаргии.

– Как узнаешь чего – возвращайся с весточкой!

Но глаз великана был столь же ленив, как и Он Сам – потерялся летающий глаз, и вернулся ой как не сразу!

Бендикс же черпал информацию из *Тихого омута* – уникальный, но мутный и обледенелый водоём мог считывать и это. Таким образом, Бендикс не особо полагался на Свой глаз, предвосхищая, что тот в лени своей изрядной надует Его, иль упустит что-нибудь важное, ценное и подходящее. Бендикс научился быть хитрым, и просто ждал, какой из трёх источников известит Его о чём-нибудь раньше – блуждающий глаз, летучие мыши или Тихий омут, который отражал его истинную личину; тело по-прежнему молодое, рыхлое, рассыпчатое, податливое, но упругое и сильное.

– А Мне вот интересно: найдётся ль та, что будет Меня достойна? – Рассуждал великан, потирая свои ручищи. – Уж пора хозяйку в дом, чтоб яства Мне готовила. – Омыв их и иные части своего тела, Нарцисс, шутя, поймал Свой глаз, который таки прибыл, хоть и не так скоро, как Тому хотелось бы.

И поведал глаз хозяину Своему, что вышел из леса эльфийского некто по Его, великана, душу.

– Схорониться Мне надо! – Рассудил Алмазный король в скудоумии Своём, и силою мысли, также и силою магии всякой тёмной уволок Свой тайник, чтоб никто его не обнаружил до определённого дня – дня, когда Он, наконец, проспится, как следует, и примет, как подобает, любого наглеца,

который посмеет заявиться к Нему.

4. Лунная радуга

Испросив благословенья у отца и матери, *Эльдanhёрд* покинул своё родовое гнездо, дабы восстановить справедливость на земле. Сейчас он держал путь в одну гостиницу, которая близ селений людских – дальше уже владения *гномов*, а за ними – лишь неприступные скалы, хребты, утёсы, горы Севера.

Сняв себе одноместный номер, весьма уставший с долгой дороги, юный *эльф* решил было прикорнуть на циновке, но не тут-то было!

Едва он прикрыл сначала один, а потом и другой глаз, как вдруг неожиданно для себя самого провалился в такой сон, где всё виделось и чувствовалось, точно наяву! Вот, уже и не гостиница это вовсе, а ветхий, заброшенный дом на одиноком холме, и дом сей рухнет не сегодня-завтра. Хуже же всего то, что явился пред очи эльфа образ некой девочки, и девочка эта, дочь людей, оказалась на редкость вредной, если не сказать – опасной. Она мучила *Эльдanhёрда* до самого рассвета, покрываясь каплями крови, и рассказывая о себе всякие страшные небылицы – а именно, историю её исчезновения и последующего усекновения её главы, которую она держит сейчас в своих руках, а также о поедании её заживо, ещё трепещущей, неким людоедом. Шестилетняя *Эбигейл* грозила эльфу кулачком, и требовала найти и наказать

её убийца, а иначе не видать здесь постояльцу ни сна, ни житья. Плача, она показывала перепуганному до смерти Эльданхёрду кровоточащие раны и не зажившие до конца рубцы на своих руках. Этот призрак, это привидение могло проходить сквозь стены и сквозь самого Эльданхёрда, не меняя своих форм.

– Я ничего не обещаю; я *постараюсь* отыскать и покарать обидчика! – В диком ужасе вскричал эльф. – Прежде я не видел смерти... Оставь меня в покое хотя бы на время!

– Нет, – Отрезала девочка, не уступая. – Либо ты найдёшь моего палача, либо... Я никогда не отстану от тебя!

Этот комочек нервов то садился в дальний угол, всхлипывая и вздрагивая, то незаметно подходил к эльфу сзади и шептал в уши всякие разные детали, все красочные подробности его отвратительного по своей природе убийства.

Когда эльф очнулся, протяжные стоны Эбигейл, её истерический смех ещё звучали у него в голове. Он же первым делом поспешил к хозяину гостиницы; некоторые вопросы требовали ответов: что же это – банальный ночной кошмар? Или ему не почудилось, не привиделось, не примерещилось?

– Предыдущий владелец номера был жестоко убит какими-то варварами, совершившими набег прошлой осенью (если можно назвать осенью хоть какое-нибудь из времён года в нашем краю). – Пожал плечами *Ваммих*, хозяин гостиницы. – А больше я ничего не знаю.

– Жаль, – Понуро, вяло бросил ему эльф, и поведал при-

ключившееся с ним этой ночью.

– А, – Оживился вдруг Ваммих. – Так тебе повезло: ты из первых уст услышал легенду о людоеде и маленькой девочке. Говорят, это сушая правда – хотя, в заведениях, родственных моему, болтают ещё и не такое. Верить или нет – дело твоё, но сюда иногда захаживает некто, называющий Эбигейл своей прабабушкой. Станный малый; мутный тип. И расплавляется всегда одной и той же монетой... Интересно, как она к нему возвращается вновь?

Завидев Эльданхёрда, люди скучились возле него.

– Добро пожаловать, эльф! Что позабыл ты здесь? Хм... Чай, не каждый день балует нас визитами из леса вашего.

Сын Даннора благоразумно не стал распространяться об истинной цели его прибытия в земли короля *Нормана*, а лишь заявил, что-де поссорился с отцом, а копыта его оленя привели его сюда.

Вряд ли люди поверили двадцатилетнему элфу, видя его потёртое, хоть и впрямь под стать королевскому, седло, но на время они оставили его, переключившись на свои бытовые, текущие проблемы.

Тем временем Даннор телепатически связался с сыном, и наказал ему:

– Сыщи путников себе; путников бравых и непокорных жестокой судьбе. Да станете опорой друг другу, сие желание моё. В путники же возьми гнома и человека – каждый из них хорош по-своему, обладая теми или иными качествами. Гно-

ма сильно не доставай: они не болтливы. Буки, и злюки-колюки, но дело своё знают: в *алхимии* сильны, в *магии* и в *фюзисе*; сгодится тебе гном. Но лучше подружись с ним, не используй втёмную! Не будь корыстным, но будь самим собой. Человек же по своей природе глуп и скуп (хоть и не жаднее гнома); человек многого не ведаёт и авантюрист по сути своей. Отчаянно бросается он в передраги, но добр сердцем и душой. Ещё, он искренне верит в некое загадочное чувство под номером шесть; «интуиция» это, или «любовь» – одно из двух, я сам не разгадал доселе. Эльф же мудр, и много раз всё взвесит, тщательно подумает; эльф – гуманный, и умен, силен в искусствах. Если вы подружитесь, объединитесь – не будет страшен вам никакой враг! И с *лотоволком* справитесь, и с *медведем пещерным*; *троллем* и зверем всяким из чащи лесной. Возможно, именно вам повезёт больше, и устрасится великан (где бы Он ни был), и вернёт земную ось на место. Тогда раскроют древа кроны свои, расправят плечи; трава зазеленеет, и барсук проснётся ото сна. Зацветут лужайки, и ручьи горные, слившись воедино, в реки полноводные обратятся на равнинах. И птицы певчие заведут звонкую песнь; и настанет Рай...

Слушая речи отца, Эльданхёрд, что ныне мужествен и твёрд, покинул, было место своего ночлега и утреннего завтрака; однако, поднялась сильнейшая метель, и вот: занесло оленя и его эльфа к другому краю дремучего эльфийского леса – настолько сильным оказался буран. Он кружил,

и всё вокруг разворошил, и похоронил двух путников под толщею, припорошив белым полотном, и мелкие кристаллы этого снега блестели на вскорее вышедшем из-за туч Солнце, как алмазы в короне великана-короля.

И проснулся тут *Алмазный король*, и недовольно перевернулся на другой бок.

– Да чтоб тебя... – Зевнул *Бендикс*. – Даннор нашёл, кого подсылать ко Мне! Это даже не смешно: сей выюноша храбрится, но тряпка и тюфяк; жизни он не знает, а ведь жить ему – вечно. Сына родного не жалко, в руки загребущие Мои бросать! Что сделает он Мне, Даннор? Он даже не знает, куда идти и что делать. И не лень же...

Великан, пройдя к Себе на кухню, разогрел Себе *хряковепря*, пойманного ещё в прошлом году, но в Его холодильнике, Его морозильнике, Его скотомогильнике дикий кабан-секач прекрасно сохранился, и вот: дивный пир на весь мир.

– День рожденья у Меня! – Облизнулся великан, и надел слюнявчик. – Интересно, где Мой сладкий торт?! Где вишня зимняя на нём?

Вдоволь насытившись, Алмазный король решил вновь отойти ко сну. Наевый, сытый, довольный, Он удовлетворённо зажмурил глаза, глядя Себя по брюху, и зевнул ещё раз.

– *Увэааа...* Мне б на каждый глаз да по минут шестьсот! Спит-поспит хозяин гор; спит вечным сном, а между тем заблудившийся во время лютой выюги Эльданхёрд, привязав

оленя к лапчатой ели, побрёл наобум, прямо в лесную чащу.

– Эй!!! Есть кто-нибудь? – Ухнул он вглубь, но никто не отозвался; эхо – и то обошло его стороной, не соизволив явиться.

Трижды звал горе-путешественник, но никто так и не откликнулся. На что рассчитывал? На что надеялся?

– Неужели мертв, сей лес, и нет в нём никого? – Разодрал эльф снова свои голосовые связки, похоже, намереваясь сорвать себе голос и простыть. – Неужели нет в сём лесу ни белки, ни лисицы? Коль нет похожих на меня, то пусть выйдет сюда зверь иль оборотень, дух иль нежить!

И случилось так, что уже стемнело; стихло ненастье, и небо очистилось от свинцовых туч и ныне было безоблачно. И взошла Луна, и взошли звёзды; и вот: свет лунный, свет тусклый, бледно-голубой прошёл сквозь призму одной единственной, невинной льдинки так, что радуга явилась взору Эльданхёрда.

Дивился добрый молодец на сие природное явление, и открыл рот, стоя, как вкопанный: красивым было это ночное зрелище! Но ещё больше разинул рот эльф тогда, когда радуга обратилась в лестницу, и с Луны на землю лёгкой поступью сошла писаная красавица, и нет на Земле другой такой – ни среди эльфов, ни тем более среди гномов и людей.

Богиня-огневласка, с аккуратным носиком, светло-карими глазами и изящной линией рта, в худеньком, прекрасном тельце, на котором был изумительный наряд – такой пред-

стала пред очами эльфа *Лунная Радуга*.

И встретился глазами с этой девушкой Эльданхёрд, и по уши влюбился в мгновение ока, с первого взгляда. И не мог он отвести взгляда своего, ибо запала ему в душу искра, и в сердце навсегда бушует пламя, и огонь сей не залить водою, не погасить землёю, не задуть ветром.

Как эльф он мог на близком расстоянии чувствовать, каково то или иное существо изнутри – плохое или хорошее. В случае же с Лунной Радугой эльф вначале растерялся, но узрел насквозь, что душа её невинна и чиста, светла и просто – доброта. В сердце этой девы горела лампада великой безмятежности, лампада всего самого лучшего, что может быть на этом свете.

Глядел на неё эльф, и лицезрел пред собою не незнакомку, но ту, что бок о бок с ним с рождения его; будто всю жизнь он знал её – или же грезил, мечтал, искал, скучал. Именно такую видел, как из снов... Его прежняя тоска, его томление, которым он не мог найти объяснения, вмиг улетучились, и понял Эльданхёрд, что встретил он подругу жизни, и жизнь свою готов отдать, а девицу эту – ни за что не променять. Ей нет цены, она не есть товар; она умна, се видно по всему. Она есть совокупность всего позитивного и положительного, она есть свет в окне, в конце тоннеля. Она вдохнула в него жизнь, подарила надежду и открыла второе дыхание; она помогла ему обрести смысл жизни, ибо до того момента, момента встречи не знал, не ведал эльф, ради чего, ради ко-

го, ему, собственно, жить. Он встретил ту самую и ту единственную, которая одним своим видом, одним своим присутствием озарила всё вокруг, а ведь суровым донельзя стал тот край, в котором ныне живут все.

Лунная Радуга вдруг отвернулась и запела, и вот: голосу её позавидовали бы соловьи; слетелись птицы, и наступило утро долгожданное. И пели птицы вместе с ней, и проснулся лес, из чащоб которого вышли ангелу навстречу звери, дабы увидеть и послушать лично.

Эльфийский принц же был в первом ряду, и счастьем для него было бы держать красавицу за руку, но он не смел. Он прокручивал в своей голове десятки приветствий и комплиментов, приятных слов и умных фраз, но язык подвёл его, являя наружу лишь неудобоваримый лепет. Эльданхёрд и плакал, и смеялся; он радовался, потому что сейчас был счастлив – впервые в своей ещё недолгой жизни.

«Смотришь на неё – и будто нет зимы; сразу как-то веселее и теплее. Нет угрюмости и хмурости, нет настроения плохого», думал про себя эльф.

– Кто ты? – Осмелился спросить Эльданхёрд, не отрывая взора.

– Я – Лунная Радуга, эльфа лесная; живу я здесь. Разбудил меня ты возгласом своим. Сам же – откуда будешь, и как же твоё имя?

И рассказал сын Даннора, что заблудился в ледяном тумане, и забросило его сюда. И что, завидев Луну, спускающую-

ся по радуге, подумал, что сама богиня пожаловала; снизошла на землю и ныне напротив очей его.

– Полно; показалось всё тебе. – Улыбнулась лесная дева, в смущении краснея. – Воображение у тебя будь здоров; переутомился ты с дороги, и замёрз, поди, порядком.

Глядь – а у эльфийки волосы белее снега, но сие – не седина. Белоснежное, шелковистое, живое покрывало, что спускается на плечи стройные, закрывая часть личика предивного и шею нежную. И уж не травяной на ней наряд; не подпоясана лианой – платье белое, красивое, и как не холодно ей в нём?

И повела Лесная Радуга за руку Эльданхёрда в крытую беседку, что на опушке леса, дабы погреться у небольшого, встроенного в беседку камина и немного подкрепиться.

И беседовала она с сородичем своим до наступления темноты, и вдруг видит, подмечает эльф, что волосы его зазнобы чернее дёгтя, но такова уж удивительная странность, уникальность и оригинальность волос у Лунной Радуги – оставаюсь столь же длинными, пышными и прекрасными, они меняли цвет, точно хамелеон.

И по пришествию сумерек превратилась возлюбленная принца в забавного чёрного котёнка, который уселся ему на колени. И сие существо было самым тёплым, самым мягким, самым пушистым в этом мире. И уснув, усидел котёнок до утра; не сбежал он, потому что понял: не отшвырнёт, не обидит его Эльданхёрд, ибо нет в нём сущего зла, нет ничего

плохого.

Так Лунная Радуга поняла, что принц эльфийский достоин её доверия. И поутру обратившись снова в лесную фею, велела ждать её в беседке, и растворилась в воздушном эфире.

Вернулась она нескоро, и за это время эльф успел заскучать. Едва увидев её снова, он привстал было со скамьи, но та велела ему оставаться на месте. И сев рядом, Лунная Радуга показала Эльданхёрду взятые ей из дома все её рисунки, и дивился тот таланту девы прекрасной, девы премудрой.

Она не говорила лишнего; не сыпала словами направо и налево. Она не оказалась глупа, и в беседе проявила себя как весьма начитанное существо. Будучи моложе на год, Лунная Радуга превосходила заблудшего путника наличием жизненного опыта. Похоже, ей чужды были все пороки; не склонна она к гордыне, высокомерию и себялюбию.

Лунная Радуга играла Эльданхёрду на арфе, на лире, на клавесине; свистела на флейте и даже била в барабан.

Прошёл целый год, но лесная фея не подпускала эльфийского принца ближе положенного этикетом, и умалчивала о том, где расположен её дом. Эльф не настаивал и терпеливо выжидал, когда Лунная Радуга поймёт, что нет никого в его сердце, кроме неё.

Похоже, фея привыкла к некоторой свободе, обособленности: она была несколько себе на уме. И хотя Лунную Радугу окружала фауна, любящая, ценящая и уважающая её – за

то, что гладит и кормит с руки, и злых духов отгоняет силой магии своей – по всему видать, особняком всё держится она.

Однажды Эльданхёрду это надоело.

– Коль не люб я и не мил – прощай же, о моя любовь! Ибо мне невыносимо знать, что на мои чувства нет твоей конкретики, определённости. Вот, я многократно доказал, чего я стою; я не враг тебе, поверь! Я – не обманщик! Испытай меня! Дай подвиг мне свершить! Скажи, что сделать надобно...

На что Лунная Радуга печально отвечала:

– Ах, во мне, не в тебе всё дело... Не могу я никому сказать; прости и извини.

Гнусен оказался замысел сына Даннора: однажды проследил он за лесною девой, и вот: не со зла, не нарочито, но подглядел он купанье феи в пруду – пожалуй, единственном пруду, который не затронуло ледяное дыхание зимы. И вошла в воду дева, а вышла – русалка, и волосы её – болотно-зелёного цвета. И ужаснулся принц, и ахнул, но подавил в себе всякий звук, спрятав его где-то глубоко в груди.

И в другой раз выследил он Лунную Радугу, и вот: сидела на ветке дерева дева, а через мгновенье – уже не дева, но белка. И цвет меха точь-в-точь, как волосы Лунной Радуги, ибо чаще всего именно рыжими они бывали.

И изловчившись, схватил принц несчастную белку за шкурку, и подвёл к очам своим:

– Кто же ты на самом деле? Немедля отвечай!!!

Но белка, извернувшись, прошмыгнула в дупло, а спустя

два часа Лесная Радуга сама нашла Эльданхёрда.

– Зачем выслеживаешь ты меня, словно охотник – свою добычу? Я не дичь и не мишень, но живое существо. Пожалуй, нам и впрямь пора расстаться...

Но Эльданхёрд уже не один раз пожалел, что повёл себя не лучшим образом, растеряв остатки всякого доверия и уважения той, кого полюбил однажды и навсегда.

И попросил он было прощения, но та, кого он посмел обидеть, оказалась непреклонна.

– Хорошо, я уйду, – Согласился Эльданхёрд. – Но прежде я прошу, я умоляю... Поведай мне всю правду, какой бы горькой она ни была. Я знаю, что ты не из тех, кто ложь выносит и живёт в обмане. Расскажи мне, что же происходит.

Тогда молвила Лунная Радуга, глядя принцу прямо в глаза:

– На мне страшное заклятье; я оборачиваюсь в разных животных. Может быть, это и не так уж плохо, возможно – даже хорошо. Но я хочу быть какой-то одной, а не примерять на себе всевозможные образы. Я всего-навсего бедная лесная эльфа, а обо думают, будто я – хозяйка леса и колдунья, что чарами овеваает заблудшие души, и питается ими. На самом деле всё гораздо проще и прозаичнее – на мне самой чары; оковы, которые мне одной не снять. Я думала, что ты – эльф добрый, а ты – такой же, как и все...

Эльданхёрд готов был сквозь землю провалиться от стыда! Какой леший дёрнул его, дурака, усомниться в честно-

сти, в искренности этой замечательной девушки? Другой такой он не найдёт, и...

– Скажи, ответь: как и чем тебе помочь? Как разрушить это колдовство? – Подался вперёд эльф.

– Для начала верни весну... Способен? – Голос феи стал сухим и жёстким.

– Я сделаю всё, что в моих силах! – Воскликнул Эльданхёрд, и не лукавил: он и впрямь готов был обрушить горы, лишь бы этот цветок снова раскрылся, потянулся к Солнцу; чтобы не увял.

– Тогда – иди... Ну? Чего же ты стоишь и не уходишь?! – Лунная Радуга про себя чуть не всплакнула, но постаралась подавить в себе всякую эмоцию.

– Я не могу...

Видя, какими глазами смотрит на неё этот юноша, Лунная Радуга, всё ещё терзаемая и раздираемая сомнениями, спросила:

– Ты действительно хочешь увидеть меня ещё раз?

– О да, госпожа моего сердца... – Лицо Эльданхёрда покрыла краска – впрочем, тот же цвет, тот же румянец доминировал и на лице его возлюбленной, его избранницы.

– Ты расколдуешь меня, если сможешь из тысячи белок узнать одну (меня); ты расколдуешь меня, если из тысячи кошек...

– Не продолжай. – Перебил эльф. – Узнаю; *тебя* я узнаю – в этом можешь не сомневаться.

Лунная Радуга улыбнулась. Где же она сейчас? Её и след простыл.

Эльданхёрд же, отвязав своего оленя и усевшись на него верхом, ускакал прочь – кажется, теперь он знает дорогу.

«Я обязательно исправлю свою ошибку, свою оплошность; я верну свою ненаглядную. Я всенепременно вернусь и нежно поцелую, крепко обниму её с любовью; она муза и судьба моя. Сегодня я стал сильнее, напористей, упрямей; сменится пустой белый на цветущий зелёный, ибо я заставлю чародея растопить все льды, и край родной согреть...».

5. Красавица и чудовище

Верхом на своём верном олене *Эльданхёрд* добрался до владений *Даннора* – лес был огромен, и на протяжении вот уже ста пятидесяти лет являлся пристанищем для различных эльфийских родов. Одни признавали власть Даннора; другие, подобно *Лунной Радуге*, кормились сами по себе, прячась от непогоды в спасительной густой чаще, куда не проникали ни вездесущий ветер, ни колючий мороз.

– Ты потратил целый год впустую! – Сетовал Даннор по возвращении блудного сына. – Разве я не наказал тебе стяжать возле себя дружинников, да возглавить тайный поход против *Алмазного короля*? Время не стоит на месте; за год можно было из-под земли достать спящего великана и убить Его!

– Ты сам-то в это веришь? – Недоверчиво покосился на него *Эльданхёрд*. – Твоих лет под Солнцем многие тысячи; где же твоя мудрость, проницательность и научное знание? Никто не знает, где нынче *Алмазный король*, а в горы неприступные сунется только отъявленный глупец! И где гарантии, где чёткая уверенность в том, что *Бендикс* нынче спит, и спит крепко?

Но Даннор был непреклонен.

– Я не ослушался тебя! – Обиженно вскрикнул принц. – Я свернул на нужную тропу, и даже побывал в гостинице люд-

ской, в которой мне пришлось пройти через ночные кошмары да байки *Ваммиха* – хозяина этого сомнительного заведения. Но буря, будь она неладна, унесла меня обратно, но уже в иную часть леса – ту, которую ты никогда не показывал старшим братьям и сёстрам моим на совместных прогулках. Когда учил ты их держаться в седле и всё такое.

– Не показывал, ибо живут там те, кто откололись от нас; они и потомки их. Живут лешими, отшельниками, и не признают над собою ничьей власти. Держись от них подальше, ежели встретишь!

– Поздно, – Возразил сын. – Уже встретил. – И существо это – образец честности, порядочности и совершенства. В ней нет и намёка на необузданную дикость, о коей ты твердишь.

– В *ней*? – Вскипел эльфийский король, окончательно выйдя из себя. – Так это ещё и *она*? Ай да молодец, сынок...

Глянул отец на отпрыска своего с величайшим презрением, и ехидно, язвительно усмехнулся, хлопая в ладоши. Ещё б немного – и прибил бы – таким испепеляющим был его взгляд.

Но Эльданхёрд, сделав жест рукой, заставил отца умолкнуть на некоторое время, поведав всю историю о Лунной Радуге, не утаив ничего.

– Я люблю её; всем сердцем, разумом и душой. Я обещал ей вернуть весну в эти края, и я завет свой исполню – чего бы мне это не стоило. Я дал слово, я не нарушу его. Я не

хочу, чтобы драма превратилась в трагедию; в историю без счастливого конца.

– Как же *Леанор*, сынок? – Спросила *Лидвельдит*, входя в покои мужа. – Она – принцесса; она нам ровня.

– Эту вашу Леанор я видел раза два – на балу да на обеде после. – Покачал главою Эльданхёрд. – И богата, и красива; породистая эльфа. Но глупышка и пустышка, хохотушка и болтушка; неприятны мне такие особы, хоть и родословная её знатна.

– Выходит, по сердцу тебе пастушка и простушка? – Родители были вне себя от горя. – Позор, и стыд, и срам.

– Лунная Радуга есть кладезь знаний и ходячая энциклопедия! – Не согласился с ними Эльданхёрд. – Она – источник всякой радости, и говорить я мог с нею часами без умолку, без усталости. Уж кто-кто, а ей корона прописана свыше, хотя она ей – не нужна. Как жаль, что птица она вольная; кто я, чтобы приручить её? Не смею, но вздыхать я буду вечно. Лишь она одна оказалась способна разжечь во мне такой огонь, какого я в себе не ощущал. Эта Луна, эта звезда, это чудо из чудес... Несравненна она.

– Осторожней! – Пригрозил отец, предостерегая. – Говорят, ведьма есть она, равно как и все прочие отступники. Обращается в русалку, в зверя лесного и в птицу певчую. Говорят, они развили свои магические навыки, магические способности до такой степени, что...

– Довольно! – Возмущению влюблённого не было преде-

ла. – «Говорят, говорят...». Кто говорит? С каких это пор король всех эльфов внимает досужим разговорам, всяким низкопробным слухам да лживым сплетням? Увы, годы не добавили тебе мудрости, отче; без обид. Оттого и покинула тебя часть нас, за слабохарактерность и безволие твоё! Где, где, где написано в тех книгах, что ты прятал от меня много лет – где там сказано, что один выше и лучше другого? Да, я сам отозвался о Леанор уничижительно – но я ведь копия твоя, твоё отродье. С молоком матери я впитал королевское высокомерие. Безусловно, Леанор мне ближе по статусу, и у неё тоже есть свои качества; но позволь мне самому выбирать. Я хочу быть лучше, чем я есть; прощай.

– Что ж, в таком случае я умываю руки, – Отмахнулся Даннор. – Делай, что хочешь, и иди на все четыре стороны! Но Лунной Радуге заказан путь во дворец! Не место ей здесь...

И выбежал из покоев юноша в великом бешенстве, и умчался на своём олене – только его и видели.

Даннор же, рассорившись также и с Лидвельдит, поднялся в башню, дабы побыть немного наедине с собою и мыслями своими.

«Дерзай, сынок», Смягчив своё сердце, прошептал Даннор. «Я как король не смог вернуть своим землякам одеяло зелени – быть может, тебе удастся?». И попросил прощения вслух, и благословил своего наследника. И благословение нашло Эльданхёрда и пребывало с ним некоторое время,

укрывая от невзгод магических и климатических.

Тем временем Лунная Радуга сидела перед зеркалом, и расчёсывала свои длинные локоны. И зеркало то было непростое; и получилось так, что невольно подслушала лесная фея весь разговор Даннора и Эльданхёрда – её желание узнать что-нибудь о принце материализовалось в видение, и зеркало послужило экраном.

– Посмотрим, – Улыбнулась Лунная Радуга, краснея в той части диалога, где эльф заочно признавался ей в любви. – Посмотрим, дорогой мой, надолго ли тебя хватит; любишь ли одну, или будешь любить всех? Я слышала о златовласой Леанор – во всём королевстве нет никого, кто мог бы устоять пред красой её. Свой выбор я уже сделала; лишь бы не зря. Ты славный малый, но вряд ли с «ведьмой» уживёшься. – Хихикнув, Лунная Радуга обратилась в лисицу.

Пока лесная фея украдкой наблюдала за эльфийским принцем, за ней самой пристально следил Алмазный король.

– Я тоже сделал Свой выбор, – Изрёк Он, просыпаясь. – Пожалуй, ты Мне подойдёшь; пора тебе в доме Моём оказаться, да как следует в нём прибраться!

Превозмогая свою лень, великан перевернулся на другой бок, но сон более не довлел над Ним. Тогда Он присел, и понюхал Свои подмышки и Свои пятки. И выйдя из обители, великой цитадели Своей, плюхнулся в гигантскую лохань с водой, коей являлся *Тихий омут*.

Помывшись и обсохнув, злодей принялся за завтрак, по-

том – за второй завтрак, затем – за обед, за полдник, и, наконец, за ужин. Но чувство голода было столь сильно, что великан умял все съестные припасы в закромах Своих, хотя когда-то были времена, когда питался Он ничем – с годами любой дух становится более материальным.

– Оэ... – Зевнул владыка бриллиантов. – Скука страшная... Чем бы ещё заняться?

От нечего делать Алмазный король начал жонглировать своими тапками, сидя в мягком и удобном кресле, выдолбленном из цельного куска *секвойи*.

Перестав дурачиться, закончив бить баклуши, людоед перевоплотился в привычный для многих имидж *Бендикса* – таковым Алмазного короля видели не только *гномы*, *эльфы* и люди, но также и *свирепей*, а также всякие гады ползучие да гады летучие.

Степенно, величественно Он проследовал через галерею в Свой тронный зал, и воссел на трон; трон же этот являлся также и отхожим местом для сидящего на нём, ибо ленив до крайности порою был король, ленив привстать и пару лишних шагов сделать – но не ленив Он был налечь на фрукты и не только. Впрочем, образ Бендикса мало соответствовал привычкам самого великана: Бендикс был шустрым, находчивым и совершенно не отягощённым ленью; Бендикс был изобретателен, коммуникабелен и в целом близко не родня тому Нарциссу, который Им становился.

Итак, Алмазный король – на троне Своём, и вот: по зову

одной лишь мысли Его стекаются пред Его очи в просторный тронный зал всякие разные твари, среди которых – *сви-репей, йнигг, троллюди, гоблины, огры, грифы, вороны, летучие мыши, морозные пауки и ледяные големы*.

– Чего желает наш господин? Что хочет властитель того и этого мира, властелин кристаллов, владыка бриллиантов? – В один голос взревели, зарычали слуги.

– Приведите Мне фею лесную, эльфийку-вероотступницу. – Приказал Бендикс. – Поймайте лису, рыжую косу; препушистый у неё хвост, хищные щёчки и хитрющие зенки. Она осторожно перебегает с места на место, и наклоняет мордочку, роясь лапкою в снегу. Вы сразу её отличите: она одна такая.

И отправились рабы Его, дабы выполнить поставленный наказ. Спустились они с суровых гор в долину, где приютился одиноко лес, в котором ели лапчатые, сосны, пихты, кедр; где дуб, и бук, и клён; берёза, вяз, орлиный глаз; орешник плодоносящий, и тополь. Но ныне все они стоят понуро, раздетые, без крон; лишь хвоя устояла – но и та от века к веку осыпается. Болота мёрзлые, где у кромки притаилась *корневика* – ягода полезная и вкусная. Но почти повсюду её и многие другие травы выжил *сизый корень*; редее лес, и негде эльфам жить. Дома их непригодны для открытого пространства – сносит сильный ветер крыши, раскрывает створки. Норки хороши для подгорных гномов, но не для жителей лесных. Где укрыться и куда податься? Наступит ли зелёная

весна и лето тёплое? Лето щедрое...

Учув погоню, затравленный зверёк быстро-быстро, со всех лап побежал прочь, но в западню, в капкан попал он, угодил; валяется с прокушенной лапкой, и скулит изрядно. Глазки бегают, и больно очень. Почти не дышит, настигнутый врагами.

Обступили, окружили; что же делать ей? Лесная Радуга, будучи в зверином обличье, не могла иль не умела применять магию, как если бы она была в образе истинном своём.

Она металась, не давая себя в обиду; остервенело кусаясь и царапаясь изо всех сил. Свернулась в три погибели калачиком, накрывшись хвостиком, но тщетно: выследившие её душегубы были неумолимы, коварны и жестоки. Один из охотников подошёл, и пнул было уже практически бездыханного лисёнка, как вдруг...

Все оковы спали, и пред недругами восстала лесная фея. Шутя она отшвырнула от себя гончих собак, и вытянула вперёд свою руку. Глаза её светились ровным лунным светом; не дрогнет больше ни единый мускул.

– Ах ты, рыжая, бесстыжая лиса! – Взвизгнули озадаченные наёмники, но ничего не могли поделать: «чертовка» заколдовала вокруг себя пространство так, что навстречу ей никто не мог сделать и шага. Будь у феи в руках кинжал, или копьё – она б ещё как следует, повоевала! Задала бы жару, примяв к траве всех недругов своих...

Тогда навстречу ей двинулись тринадцать, что замыка-

ли колонну преследователей. Эти тринадцать окружили бедняжку так, как когда-то они и ещё трое окружили каменный алтарь, у которого клялись клятвой страшной.

Неравной была сия борьба, сей магический поединок, ибо Лунная Радуга, искусная в волшеббе, всё же проигрывала числом и опытом – что может сделать она одна против призраков безжалостной судьбы, коей руководит лишь Бендикс? Лишь Он смеет призывать таких могущественных духов, как свирепеи. Природа их сокрыта, непонятна – оттого смирилась, покорила, красна девица, отдав душу свою на поругание Ему.

Долго ли, коротко ли – се, привели под руки её, связанную, к Алмазному королю, и долго Тот довольно потирал руки, прежде чем начал говорить Своё слово.

– В жизни ты гораздо краше, чем в изображениях туманных, изображениях обрывчатых и маловразумительных. – Так подошёл к ней Бендикс, но Его слащавые речи, Его лесть совсем не по нраву пришлись Лунной Радуге.

– Чем ещё я заслужила честь пребывать в Твоём чертоге? – Спокойно, без тени трепета и страха в голосе спросила лесная фея, почти не разжимая губ.

– Если во Мне есть хоть капля той доброты, что есть в тебе – то видит провидение, Я не причиню тебе никакого зла. – Сказал Бендикс, и сейчас Он не лукавил.

Лунная Радуга молчала.

Тогда упробил властелин кристаллов, властелин камней

эльфийку надеть платье, полностью украшенное бриллиантами; платье чистое, белое, прозрачное и серебристое одновременно.

– Я малость ленив, дитя Моё, но для тебя Я сшил его Своими руками, и даже один раз укололся. – Виновато молвил Бендикс.

И послушную оказалась Лунная Радуга, и вот: прелестное платье на теле её; и впору пришлось, сидит хорошо. И радовался Бендикс, радовался весьма.

– *Мелисса*, – Обратился Он вдруг к девушке, сидящей на стуле у зеркала. – Скажи Мне: желаешь ли составить компанию в трапезе?

«Как *ты украшаешь* эту брошь...», заметил Он, глядя на изящную брошку, вколотую в платье красавицы.

– Отчего Мелисsoю зовёшь? – Вопросом на вопрос ответила лесная фея, пытаясь подавить в себе всякое удивление.

– Мне нравится это имя. – Смутился Бендикс. – Если хочешь, не стану так звать... Так будешь ты со Мной бок о бок за пиршественным столом?

Лунная Радуга задумалась.

– Ну, хорошо. – Согласилась, наконец, она. – Так уж и быть.

Бендикса же, как подменили – куда только подевался весь эгоизм Алмазного короля? Как рукой сняло, ибо разве что с ложечки не кормил Он сейчас девушку изысканными заморскими яствами.

– Полноте, – Томно попросила красотка. – Благодарю, но я уже давлюсь. Пирожные Твои вкусны, но мне уж поперёк горла встали. Всё должно быть в меру; не следует доводить до обжорства. И да, я не ем после шести.

И был вечер, и было утро; день первый.

И захотел Бендикс узнать, насколько талантлива Лунная Радуга. И пришлось ей против воли петь и плясать перед Ним, а также рисовать Его портрет.

И был вечер, и было утро; день второй.

– Кто я для Тебя? – Поставила вопрос ребром лесная фея. – Пленница, игрушка?

– Нет-нет! – Поспешил заверить её Бендикс, сдувая с неё пылинки. – Возможно, Я даже снизойду до того, чтобы с миром отпустить тебя... Но не могла ли бы ты провести уборку генеральную в убежище Моём?

И вынуждена была девушка, как *Золушка*, как *Белоснежка* вымыть начисто полы во всех залах великаньего логова – и страшно устала, а ведь каждый такой зал был величиной с дворец. Также, ей пришлось перестирать все Его вещи, погладить их, приготовить пищу в котле и на медленном огне; вытереть всю пыль и снять вековую паутину. Она отчаянно чихала, но работёнку свою выполнила на «ура». И похвалил её Бендикс, и остался доволен весьма.

И был вечер, и было утро; день третий.

– Ответь-ка Мне, красавица: а есть ли у тебя мечта? – Тихо, вкрадчиво прошептал в уши Лесной Радуге фокусник в

шляпе-цилиндре, подходя сзади и кладя ей на плечи руки в надетых на них кожаных перчатках.

– Есть. – Вздохнула та, скрестив руки и немного отпрянув подальше.

– Не бойся; *тебя* Я не съем. – Успокоил её Бендикс, оставив свои шуточки.

– А я никого не боюсь. – Ответила лесная фея. – Мечтаю же я о том, чтобы Ты отпустил меня; хочу вернуться в родной мне лес. Мечтаю я о море-океане, ибо сама я никогда не видывала его – но мне рассказывали, насколько он обширен и глубок. Обнять водопад желаю я... Мечтаю я, чтобы кое-кто, имени которого я Тебе не назову, своё слово сдержал, и смог узнать меня из тысячи подобных мне, в каком бы облике я ни была. Пуще же всего мечтаю я о том, чтобы в край родной, мой край лесной вернулась зелень лета и весны – но то всего лишь дрёмы, грёзы, сны...

И понял кукловод, что не сможет Он даже силою привязать к Себе Лесную Радугу. За четыре дня Он ни разу не обидел её – ни мыслью, ни словом, ни делом. Не поднялась у Него рука свершить худое, и призвал Он к Себе лесную фею в последний раз.

– Возжелал однажды Я хозяйкой видеть тебя здесь; думал, что понравится тебе тут у Меня – отнюдь. Коль так – ступай; удерживать не стану. Но Моё сердце...

– У Тебя нет сердца. – Заметила Лесная Радуга, перебив хозяина марионеток. – Точнее, оно есть, но за много лиг от-

сюда.

– Верно, – Оживился Бендикс. – Но откуда ты об этом знаешь?

Но та, не удосужив великана взглядом и ответом, прикинулась белой горлицей, и вылетела прочь, вон из дворца. Но не выслал на сей раз погоню горный страж, но убаюкал Себя Своей же колыбельной – опять, и снова, вновь Алмазный король видит сон десятый.

6. Путь на север

Пока *Алмазный король* привечал у Себя *Лунную Радугу*, тайно надеясь, что она добровольно останется с Ним навсегда, эльф *Эльданхёрд*, блуждая по бескрайнему снежному покрову в сопровождении своего верного друга, северного оленя, поочерёдно достиг границ гномьего и людиянского царств-государств. Исходил он земли их вдоль и поперёк, понемногу набираясь опыта и изучая язык, культуру, искусство и бытие этих народов.

Гномы оказались грубы и неприветливы, но знатоками они являлись во многих и многих ремёслах; свои в доску, проверенные неоднократно в случае нужды. Коренасты, бородаты, тяжелы на подъём, но работающи весьма: уж если возьмутся за какое дело – никто не провернёт его лучше них. Правда, иногда после любой такой годной работы гномы любили хорошенько выпить – квасного и спиртного, и после их хмельного буйства половину их работы приходилось нередко переделывать – тут-то люди и являлись.

Люди, по внутреннему убеждению *Эльданхёрда*, по его собственному умозаключению в результате длительного наблюдения, оказались усреднённым вариантом гномов и эльфов – интеллектуально они были слабее вторых, и не столь выносливы, крепки, упёрты, как первые. Они были столь же падки на мирское, как гномы, а до возвышенности, величия

эльфов им было очень и очень далеко. В магии они преуспели своеобразно: были среди них гадалки, ворожеи, колдуны и прочие проходимцы, но к истинному волшебству они имели самое посредственное отношение. Чаще всего они просто дурачили, морочили всем головы, по сути, не обладая никакими энергетическими силами – кроме, разве что, большого дара убеждения. Это были самые обычные, банальные (хоть и профессиональные) психологи, зарабатывающими себе на жизнь и пропитание именно таким способом.

Люди оказались созданиями приземлёнными; среди них, конечно же, были особи с незаурядными способностями, неплохими свойствами – но, в целом, эльфу они понравились не очень. По большому счёту люди являлись дикими варварами, входящими в дверь без стука, и очень шумными созданиями. Обладая большей, нежели у гномов, расторопностью, они могли лишь доделывать на совесть начатое, но изобрести что-то своё им было пока что не под силу – не хватало ни умения, ни терпения. Их навыки по сравнению с гномьими были вторичны, и сами они, увы – лишь жалкое подобие их, *эльфов*, к коему племени принадлежал Эльданхёрд.

Эльфийский принц, не распространяясь о своём королевском происхождении никому, умудрился сдружиться с извечным букой и занудой *Махенной* – гномом-коротышкой и сыном рудокопа. Алчный, прижимистый гномёнок, однако, был не по годам развит как в ту, так и в другую сторо-

ну – силён физически и силён магически. Его дед, такой же флегматичный пухляк и здоровяк, имел свою собственную мастерскую, где проворачивал алхимические опыты. Иногда он брал к себе и внука, оттого и сравнительно молодой ещё прагматик Махенна носил округлые очки. В обычном состоянии сей гном был спокойным, уравновешенным учёным, активно интересующимся самым широким спектром наук. Так, юный гном обожал такие дисциплины, как *астрономия, археология, арифметика, история края* и многие другие. Это был гном, который просыпался и засыпал с книгою в руках, ведь «книга есть лучший подарок; так говорит моей дед». Но Махенна перенял многое и от отца: он не понаслышке знал кузнечное дело, ювелирное дело и иже с ними, потому как эти дисциплины всегда как-то бок о бок, попутно, параллельно; именно в них, помимо *алхимии*, гномы добились наивысших, наибольших результатов.

Если неповоротливый, но всезнающий Махенна оказался для Эльданхёрда сущей находкой (ведь эльф и сам был *Любознайкой*), то его привязанность, его тяга к другу-человеку по имени *Тефей* была пока необъяснимой. Импульсивный Эльданхёрд, обладая признаками холерика и меланхолика, наверное, тянулся к сангвинику Тефею за открытость, доброжелательность, простоту последнего – Тефей-скрипач, Тефей-рыбак, Тефей-бродяга, являя собой прямую противоположность жадноватому Махенне, был щедр даже в мелочах. Он был бодр и смел, отважен и скор на руку. Это был аван-

тюрист, готовый пойти на что угодно и за кем угодно, «если дело того стоит». Но Тефей был ужасный болтун – похоже, его рот не закрывался никогда – разве что тогда, когда он играл на скрипке, и вот тогда его лицо становилось грустным и печальным – что, скорее, было характерно для Эльданхёрда.

Скрипка досталась Тефеею от его отца, короля *Нормана* – но родство их было окутано тайною за семью печатями, поскольку Тефей был зачат вне брака, от служанки. И чтобы никоим образом не скомпрометировать себя в глазах окружающих, в глазах подчинённых, король по рождению внебрачного сына отослал его вместе с его матерью-служанкой подальше, отсыпав пуд монет и отдав свою скрипку, которая, в свою очередь, досталась Норману при странном стечении обстоятельств.

Ходили слухи, что сам король Норман в бытность юношей был похищен *Бендиксом* и заключён в глухой и глубокий зиндан, из которого он совершил дерзкий побег. Будучи в бегах, он выстругал себе из неизвестной породы древесины (возможного, из красного дерева) подругу деревянную; скрипку смастерил себе он, натянув рыбацкую лесу вместо струн. Смычок же изготовлен был им из другого дерева.

И страшно позавидовал его игре Алмазный король; он вновь настиг беглеца и заточил в такое место, откуда так просто, как в первый раз, уже не выбраться. Удача и успех оставили Нормана, но искусно играть на скрипке он не разучился – к великому раздражению Алмазного короля, который в

бешенстве затыкал Себе уши, ибо скрипка оказалась не простой: своими переливами, своими мелодиями, своим вытьём она пробуждала в великаньей душе нечто вроде ноток совести, и Бендикс боялся превратиться в добряка.

Великан не мог Себе представить, не мог вообразить, что на земле есть кто-то, кто лучше Него хоть в чём-то; чёрная зависть подтолкнула Его на то, чтобы научиться играть на струнно-смычковом инструменте почище да получше самого Нормана.

Алмазный король устроил бал, на который пригласил всю Свою мерзкую свиту, а в качестве специального гостя на почётное место поставил своего пленника, своего гостя. И стоял Норман на зеркальном, гладком, чистом, скользком, шахматном полу, и на ногах его – тяжёлые кандалы; длинная цепь тянется из самого подвала, откуда привели его злые и ехидные надсмотрщики.

Танец смерти уж давно завершён, но изюминкою вечера задумал Бендикс состязание на скрипках:

– Одолеешь Меня в игре искусной – быть тебе на свободе! – Так сказал великан, и отличительной Его особенностью, одним из немногих положительных Его качеств было то, что этот великан Севера всегда держал своё слово, несмотря ни на что, невзирая на всю свою влиятельную силу, власть, распространяющуюся далеко за пределы высоких гор и вполонину увядших лесов.

Два ли, три ли часа длился айтыс – уже и Солнце зашло.

И видел Норман за пиршественными столами лики злые, лики недоброжелательные и неприятные. Однако, к всеобщему признанию, переиграл он свою партию, свою арию гораздо лучше Алмазного короля, хоть и старателен Тот был весьма.

И стоял Бендикс напротив оппонента Своего, и до крайности недружелюбным был Его взгляд.

– Думаешь, ты победил? Считаешь, ты – на высоте? Полагаешь, что отпущу тебя? – Шипел сатана, капая ядом, брызжа слюной в присутствии всей Своей отвратительной своры.

– Ты сказал. – Ответил Норман, пытаясь скрыть всё своё волнение – но сам внутренне аж трясся, перепуганный насмерть. Стойким был будущий король людей, но как вода точит камень – так и у стойкости Нормана имелся свой предел.

– Знаю. – Согласился владыка бриллиантов, раздумывая, как лучше поступить в данной ситуации. – Но если ты останешься в Моём дворце, обучу тебя Я всем премудростям древним, всем тайным знаниям, какими владею Сам.

– Нет. – Отказал Норман. – Я выполнил условие; выполни и Ты Своё.

Тогда Бендикс, подойдя ближе, со всего размаху дал удальцу и смельчаку звонкую пощёчину. Щека Нормана горела, но он устоял, а сдачи – не дал, покорно дожидаясь своей участи.

– Проклятье! – Рывкнул великан, но тут пробормотал Себе под нос. – Но Я же Сам поклялся пощадить и отпустить его, если проиграю...

Потоптавшись на месте, Бендикс взошёл на трон, и, глядя Своего верного пса, долгие годы исправно служившего Ему, рёк:

– Иди на все четыре стороны, негодяй! Пошёл прочь с глаз Моих долой! И скрипку свою чёртову тоже забирай...

Сам Норман примерно так описывал своё пребывание в стане врагов (иногда меняя «огнём» на «льдом», ибо то был Север):

*Эй! Я для них злодей
Знающий секрет
Изменных страстей
Нищих и царей
Я был скрипачом
Мой талант – мой грех
Жизнью и смычком
Я играл с огнём*

На что Бендикс шептал ему:

*Эй, скрипач
Ты горяч
Как всегда строптив
Ты не прав
Ты как раб*

Эту историю Норман рассказал Тефею, когда тайно навес­тил его по достижении сыном совершеннолетия; с тех пор прошло уже четыре года. История почти забылась, улетучи­лась было из памяти, но Тефей именно сейчас вдруг вспом­нил её, благоразумно утаив её, однако, от своих товарищей – мало ли; ещё, чего доброго, уличат во лжи, ведь он и так порой слишком уж много болтает. Они ему просто не пове­рят...

Время шло, на месте не стояло: настала пора Эльданхёрду раскрыть свой замысел – а именно подняться в горы, что да­леко на Севере. И он знал, что гном и человек пойдут за ним, потому что одному он напел про несметные сокровища, про преисполненные алмазами бездны, а другой просто любил путешествовать далеко и надолго – лишь бы не в одиночку, ибо скучновато.

Всё же на душе у эльфа скребли кошки: обманным путём завлекает он своих друзей в сомнительную авантюру, кото­рая ещё неизвестно чем закончится! Непокойно было прин­цу, ибо он сам не знал, *что* его ждёт.

Случилось так, что по пути троицы лежала та самая го­стиница, в которой двумя годами ранее уже бывал Эльдан-

⁴ Песня ВИА «Ария» из альбома «Игра с огнём» (1989). Текст песни написан Маргаритой Пушкиной. Отрывок этой песни присутствует в книге, потому что оказался идеален для сюжета (*Прим. авт.*).

хёрд. Как мог, он отговаривал друзей сделать привал в этом месте! Тщетно, бесполезно: грузного и сонного Махенну уже не сдвинешь с места, а для Тефея велик соблазн пройти мимо, ведь в таверне куча народу, а поговорить он мастер.

Как назло, свободным оказался лишь тот номер, где и останавливался когда-то Эльданхёрд!

«Проклятье», раздражённо фыркал эльф. «Что скажу я *Эбигейл*, если явится она нам в полночь? Снова будет истово допрашивать, и истязать морально, харкая кровью, обнажая глубоко резаные раны...».

– Ты ли это, принц? – Округлил глаза *Ваммих*, хозяин сей забегаловки. – А где же твой олень? В стойлах есть немного годных мест.

– Какой принц? Кто – принц? – Переспросил Махенна, и счастье Эльданхёрду, что тот уже почти заснул.

Велев Тефею отвести гнома наверх, в их комнату, эльф поспешил ответить:

– Оленя я оставил дома, ибо незачем ему, точно *архару*, скакать по горам и долам.

– Стало быть, далеко собрался, эльф? – Прищурил глазки собеседник. – Что-то ты мне не договариваешь; я же вижу, нутром чую.

Едва Эльданхёрд захотел вставить хоть слово, как его обступили всякие разные женщины – блондинки, брюнетки, русые, шатенки. Молодые и великовозрастные, красивые и не очень. Они начали указывать на него пальцем, щипать и

толкать друг к другу, говоря что-то на наречии своём.

– Эй, ты, длинноухий! Может, угостишь нас чем-нибудь?

И пытались одарить его ласкою, но отстранился тот, брезгливо морщась.

– Ну, наконец-то! – Увидев спускающегося Тефея, рассердился эльф, хотя появление друга только спасло его от этих мерзких жаб; припудренных, раскрашенных. – Чего так долго?

– А ты попробуй, уложи этого толстяка! – Нашёлся Тефей, имея в виду Махенну.

– Я тоже скоро поднимусь. – Откашлялся эльф. – Доем только.

Лишь сейчас вскрылось, обнаружилось, что Эльданхёрд – вегетарианец; не ест он совершенно мясо ни сырым, ни варёным, ни жареным – ни в каком виде, ни под каким предлогом. Также он оказался весьма прохладен к молоку и яйцам, тогда как всеядный Тефей уминал всё это за обе щёки (уминал бы с превеликим удовольствием и Махенна, не свали его крепкий сон).

– Одной травкою сыт не будешь. – Заметил Тефей, искоса и с явным недоумением поглядывая на друга, поедающего вершки да корешки. – Раньше я чего-то подобного за тобой не наблюдал. Садись; в ногах правды нет.

– Счастье, избавленье, спасенье, что ты рядом. – Устало молвил Эльданхёрд. – Именно сейчас твоё пустомелье пригодится; избавь меня от общества этих размалёванных ку-

кол! Как они мне надоели...

Доев, эльф, с презрением глядя на компанию, что собралась в харчевне, убрался восвояси, дабы прикорнуть хотя бы немного – уже одиннадцать, и у него, жаворонка по натуре, страшно слипаются глаза. А уже через час в их номер явится призрак Эбигейл, и пиши «пропало».

Тефей же остался внизу кутить до утра, харизматично рассказывая постояльцам всякие истории, небылицы разные.

Эбигейл оказалась на редкость пунктуальной: её горящие глаза разбудили Эльданхёрда, который, казалось бы, только-только провалился в сон, едва-едва закрыл глаза.

– Ты нашёл моего убийцу? Ты наказал его? – Шипела белая простыня, извиваясь.

– Думаю, я на верном пути; я в процессе. – Побледнел от страха эльф. – Не мешай мне спать!

Хвать – девочка уже в другом углу; сидит и горестно ревёт, но вместо слёз из её глаз прямо на пол стекает красная жидкость.

Махенна, полёживая на боку и видя занятные сны, даже не шелохнулся – он не проснулся от шорохов, всхлипываний, потусторонних отзвуков. Крепкий, здоровый сон...

Эльданхёрд поспешил успокоить несчастную, захотев погладить её по голове, однако Эбигейл уселась на потолок, и вот: её глаза недоверчиво взирают на гостя. Её недовольство, её агрессивное фырканье были точь-в-точь, как у *манула* –

который, к превеликому сожалению, не поддаётся дрессировке.

Ночь прошла, но эльф не выспался: обычно встающий в пять часов утра, вместе с Солнцем, он валялся на циновке, весь измождённый ночными кошмарами – и почему только ему одному выпало лицезреть Эбигейл, выслушивать её адское ворчание? Ведь в номере их трое!

Эльданхёрд проснулся часам к десяти – из-за болтовни Тефея, который рассказывал Махенне о некоторых своих злоключениях. Сейчас же слух эльфа поймал нечто другое.

– Интересно: спит – не спит? – Игриво ощерился, ошетинился Тефей.

– Спит ещё, наверное. – Невозмутимо ответил тому гном. – Хотя пора уже вставать; путь дальний.

– Мне кажется, он не просто так в путешествие поплёлся – ручаюсь, он бежит от любви.

– С чего это ты взял? – Всё так же невозмутимо спросил Махенна.

– У него на лице написано; влюблённый по уши. Знакомый взгляд; я таких на раз-два вычисляю. Романтик...

Тефей было усмехнулся, но тут же подавил в себе всякую улыбку: восставший ото сна эльф был чернее тучи.

– Не мели чушь, не болтай глупости! – Рассердился Эльданхёрд, но быстро обмяк и угрюмо, понуро поведал приятелям про него и Лунную Радугу.

– Едва я увидел её, как понял, что нет мне жизни без неё...

– Начал спуская пару минут эльф вновь.

– Так-так-так; это надолго. – Спустил гном очки себе на нос и, вытащив из-за пазухи один прибор, начал засекаать время монолога.

– ... Её удивительный голос звонче, выразительней пения всех птиц на свете; в её прекрасных, тёплых руках мольберт и кисть вершат чудеса; едва лишь ступит стопую на землю – как тут же расцветают *целебные кустравы*...

– Угу. – Хором поддакнули друзья, перемигиваясь меж собою.

– Я очень сильно скучаю по ней; ужасно тоскую. Все думы мои лишь о ней родной, о ней единственной. Я настолько привязался к ней, что... Да я готов звезду с неба снять, дабы подарить её ей! Я готов всю вечность её длинные волосы целовать, хрупкие плечи обнимать... Я в шторм жестокий спасу её, не брошу; на берег бережно я вынесу её! Для неё собственноручно построю достойный, справный, вместительный терем; ради неё я избавлюсь от всех тех вредных привычек, которые всё же наличествуют у меня...

В эмоциональном порыве, в чувственном запале Эльданхёрд подошёл к окну.

– Любимая, я верну тебе весну! Родимая, я горы сверну! Милая, я жить без тебя не могу...

– Это любовь. – Вставил Тефей, когда эльф, наконец, умолк.

– По-моему, фанатизм. – Поспорил с ним рассудительный

гном, неторопливо, степенно вставая из-за стола и глядя на часы на цепочке в своей руке. – Хотя, с другой стороны, сие поведение, сие действие – отличный стимул для новых свершений; нам как раз уже пора.

Выйдя из гостиницы, троица направилась навстречу неизвестности...

7. Великанье логово

Путь на Север был и труден, и опасен; не лишён преград – как естественных, вроде кряжистых массивов, каменистых троп и непроходимых болот – так и искусственных, в виде странных нагромождений, усеянных кем-то рукотворно.

– Судя по карте моего прадеда, *Алмазная долина* уже близко! – Выговорил *Махенна*. Ему тяжелее всех приходилось в их путешествии, но *гном* хорохорился, чтобы никто не назвал его обузой.

– Вижу одинокий, но протяжённый горный хребет. – Нашёлся *Тефей*. – Наверное, нам туда?

– Давайте сделаем перерыв! – Взмолился *Эльданхёрд*. – У меня уже ноги устали...

– Ты заварил эту кашу – тебе и расхлёбывать! – Проворчал *Тефей*. – Чего теперь ныть-то? М-да, это тебе не на олене скакать...

– Пожалуй, эльф прав, *Тефей*. – Не поддержал человека гном. – Нам ещё вверх подниматься; карабкаться по отвесной стене. Это на первый взгляд осталось совсем немного; на самом же деле мы, мягко говоря, идём наобум. Но мне это даже нравится – лично я никуда не спешу.

– Я тоже особо не тороплюсь, – Уступил *Тефей*. – Ладно; перекусим немного – хотя, там осталось-то...

Не только наша троица уселась на обед – *Алмазный ко-*

роль, проснувшись в очередной раз, тоже захотел есть.

– Чем бы полакомиться? Чем бы поживиться? – Облизнулся великан.

Он заглянул было в *Тихий омут*, намереваясь проломить его тонкую, зеркальную, ледяную поверхность да выудить парочку свежих рыбёх, как вдруг водоём пошёл волнами, и вместо Себя *Бендикс* увидел трёх горе-путешественников, которые лазали где-то там, внизу – Тихий омут был волшебным и отражал многое.

– Быстро они... Хм. – Подивился вначале великан, но тут же снова стал хладнокровным. – Облегчу-ка Я им задачу! Наверняка лазутчики ищут Меня? Так пусть же идут прямо ко Мне в лапы: тут-то Я их и слопаю...

И владыка бриллиантов приоткрыл магический купол, который скрывал от всех истинное местонахождение Его обители, Его цитадели, Его родовой колыбели.

И увидели тут трое зевак на самой высокой из гор в горной цепи величественное сооружение, которое ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Внушительно даже с такого расстояния, – Заметил Махенна, глядя в подзорную трубу. – И как это мы не заметили сие сразу?

Восхождение на гору оказалось самым сложным – в особенности для эльфа и человека – тогда как гном медленно, не спеша двигался к своей цели.

Внезапно где-то сбоку близлежащей скалы возник некий

султанчик; зря, зря троица кладоискателей не обратила на него должного внимания, ибо из горы восстал *Белый Ворм* – то ли гигантский земляной червь, то ли чудовищный смерч. Белый Ворм начал устраивать оползень – сначала врассыпную покатился мелкий щебень, а чуть позже пыль и туман застлали глаза.

Белый Ворм, яростно огрызаясь, бросал, швырял в путников тяжёлые глыбы, но троица оказалась куда проворней, всякий раз уваливая, изворачиваясь. Вот, они уже миновали опасный участок, а Белый Ворм, как ни вытягивал своё змеевидное, змееподобное тело, с ядовитым, в щупальцах, ртом, уже не мог причинить никакого существенного вреда – прошмыгнули трое, и были таковы.

– Ты цел? – Спросил Эльданхёрда Тефей, переживая за друга и протягивая тому руку помощи, ибо тот что-то совсем уже сдал.

– Вроде. – Мрачно ответил тот.

Эти горы были своеобразны: у них у всех словно срезали верхушку, этот острый конус. И то не туман принакрыл их сизым покрывалом – скорее кто отсёк громадным и острым серпом. На одной из таких высоток и покоилась цитадель великана.

Эльданхёрд, весь запыхавшийся, присоединился к друзьям, придя последним.

– Я очень сожалею, что втянул вас в эту авантюру. – Потупил свой взор эльф, не смея глядеть приятелям в глаза.

Он набрался сил, набрался смелости, набрался храбрости, и поведал своим товарищам истинную причину своего пребывания здесь.

– Ну и что? – Пожал плечами Махенна, как ни в чём не бывало. – Подумаешь...

– Это же благое дело – убить людоеда и вернуть весну! – Вторил ему Тефей.

– Но... – Замешкался эльф. – Я ничего не умею! Хотя во мне имеется стремление это исправить, и многого добиться. По умолчанию я обладаю кое-какими базовыми навыками в магии и дисциплинах гуманитарных, но знания эти весьма поверхностны, ничтожны.

– И что же именно ты умеешь? – Сдвинул брови гном, насупившись.

– Метко стрелять из лука, умело владеть двуручным мечом, ставить минимальную, элементарную защиту от дикого зверя...

– И всё? – Рассмеялся Тефей.

– Читать, писать, рисовать; ездить на олене и готовить эльфийскую пищу. А петь и играть на флейте меня научила Лунная Радуга. Я понимаю, что для двадцатидвухлетнего эльфа этого маловато, но не забывайте, что от меня прятали многие полезные вещи, а самого меня даже запирали на ключ. Я рос, не подозревая, что всюду – вечная зима; что помимо эльфов, есть люди, гномы, и не только...

Втроём путники вышли к дому великана, который при-

стально следил за ними, ничем Себя не выдавая. Превратившись из Алмазного короля в Бендикса в очередной раз, Он окончательно скрылся из глаз, дабы потом, где-нибудь, в какой-нибудь части Своего просторного, обширного замка изловить любопытных скитальцев да подвесить их на вертел.

Подходя ближе, троица обратила внимание на то, из какого материала сделан дворец, а также на окрестности, окружающие его.

– Мёртвое здесь всё, мёртвое. – Заметил Тефей, указывая на своеобразную арку из бивней *мамонтов*, глубоко вкопанных в землю, покрытую не одним слоем белого снега.

– *Вечная мерзлота*. – Только и сказал на это Махенна.

Нечто подобное видел гном у себя дома, в краю родном – в *янтаре*; только застывшая в нём живность была в разы мельче; здесь же невооружённым глазам предстал целый скотомогильник – древних, ископаемых животных, которых эльфы едва помнили, а гномы и люди и вовсе не знали.

– Я лицезрел эти туши лишь на картинках. – Молвил Эльданхёрд. – Теперь вижу воочию, но уже законсервированными навечно. – Отец же мой, *Даннор*, возможно разводил их или даже охотился на них – хотя, мы, эльфы, весьма миролюбивы; вряд ли наши предки являлись охотниками – скорее всё же земледельцами да скотоводами.

Когда же они стали повнимательней разглядывать сам замок издали, дивясь его размерам, гном остановил свой взор на окнах, застеклённых чем-то синим.

– Это не *тенарова синь* и не *заффар*; это *смальта*. – Пояснил Махенна, подойдя к стенам дворца почти вплотную.

Странно, почему нет привратников? Куда они все подевались? Ни у врат, ни у дверей цитадели не было никого, точно вымерло всё вокруг уже давно.

– Так вот почему за столько веков эти стёкла не потускнели, не побились и всё так же хороши – хоть и непрозрачны. – Понимающе кивнул головой эльф.

Чудо из чудес – солнечный диск: на его пусть и не греющих в зиму лучах синий цвет переливался в рамках всего своего диапазона, всей его палитры, являя собою *королевский синий*, *лавандовый*, *индиго*, *ультрамарин*, *аквамарин*, *сапфир*, *васильковый*, *латырь* и его разновидность *лазурь* – все цвета синей радуги.

– Интересно, почему именно синий? – Удивился Тефей.

Они подошли к парадной двери, на внешней, лицом к путникам стороне которой аккуратно выложенные красивой мозаикой розоватые кристаллы *фенола* под действием дыхания трёх искателей начали интенсивно разлагаться.

– Скорее прочь отсюда! – Позвал Махенна. – Берегитесь малейшего попадания на кожу, а нос прикройте ладонью.

– Может, есть какой-то другой вход в эту Богом забытую цитадель? – Спросил Тефей, роясь в своём походном мешке и проверяя, на месте ли скрипка его отца, его уда и прочие, всякие разные принадлежности.

Но даже от гнома, держащего сейчас в своих руках кар-

ту, толку было мало – ни на одной из карт сия обитель не значилась; никто, никто не ведал, где живёт Алмазный король, а этим трём просто посчастливилось забрести сюда и наткнуться на мёртвые красоты.

Благодаря смекалке и рассудительности гнома троица сыскала потайной ход – который вёл внутрь, но как-то всё вглубь, точно здесь – вход в подвал, или канализационную шахту, или чёрт знает куда ещё.

Они подозревали, что на каждом шагу их может подстеречь опасность, но продолжали идти всё дальше и всё ниже – а ведь наверняка тут из каждого угла на них могли наброситься злые скелеты – на десерт великан питался душами, которые его омолаживали, а плоть в последнее время оставлял исключительно падальщикам на вроде грифов и чёрных воронов.

Плутая по тёмному, донельзя запутанному лабиринту, искатели постоянно натыкались на камни преимущественно синего цвета – здесь их целая груда. В том же, что цвет именно синий, помог разобраться фонарь Махенны.

– Похоже, владыка бриллиантов любит все драгоценные камни; я полагал, что он предпочитает исключительно алмазы. – Отметил Тефей, осторожно переступая через россыпь камней.

– Вы слышали? – Сделал жест рукой Эльданхёрд, прислушиваясь.

– У эльфа острый слух; столь же острый, как его уши. –

Раздался смешок со стороны человека.

– ... Столь же острый, как и твой язык! Болтун... – Оби-
делся Эльданхёрд. – Мне кажется, или...

– Стон. – Спокойно молвил Махенна. – Твои догадки со-
вершенно верны, эльф: это *мёртвые души*; души, которые
по какой-то нелепой случайности оказались для великана
невкусными, и Он, не доев, обратил их в блескучую синеву.
Я слышан, что после разговора с Ним холодеют, черстве-
ют все...

– Так поспешим же оставить это место! – Бросил принц и
первым свернул в другое крыло, казавшееся более светлым
и не таким затхлым.

Проследовав многими ходами, сделав несколько лишних
кругов, они таки вышли из подземелья в самый тронный зал,
преисполненный шахматного настила с перемежающимися
квадратами из белого и чёрного мрамора.

Пол был нестерпимо ледяным, и у путников замёрзли но-
ги.

– Здесь прохладнее, чем там, внизу. – Трясся от холода
Тефей. Зубы его стучали; он покрылся гусиной кожей.

Запрокинув головы вверх, искатели приключений запри-
метили гигантские люстры из горного хрусталя, висевшие,
словно в невесомости – похоже, что они не были закреплены
на высоченном потолке ничем.

Кажется, Алмазный король был не очень церемонным:
огромная ванна из кобальта стояла прямо в одном из углов

помещения, тогда как у людей, гномов и эльфов для ванны предусмотрена отдельная комната.

Трон располагался впритык к северной стене; в самом же центре зала троице предстал *Тихий омут* – покрытый тонкой ледяной коркой водоём; идеальная окружность с почти прозрачной, но малость темноватой водой в ней – хоть и сокрыт был сей цвет льдом.

Края озера были искусно обделаны чёрным кварцем – *морионом*; оттого с высоты птичьего полёта он казался ещё больше, ещё глубже, чем есть на самом деле – *Даннор*, будь он здесь, сказал бы, что сей водоём – бездонный; много знает Даннор, но всегда хочет быть в стороне от глобальных проблем.

Но Даннор, находясь за много лиг отсюда, от этих гиблых мест, одиноко восседал у окна и вздыхал. Супруга же его, *Лидвельдит*, уж многие месяцы не выходит из своих покоев; пищу травяную ей приносят слуги.

Лунная Радуга сидит в беседке, и вспоминает дни, когда рядом с нею находился Эльданхёрд. Вспоминает она и дни, отпущенные ей для пребывания во дворце, в котором сейчас бродят он и двое его товарищей. Сидит Лунная Радуга одиноко на скамье в вечерний час, и не торопится домой – и лес уже не тот, что прежде, и взошедшая Луна – уже не та. Звёзды меркнут, беспокойно на душе. Дочитав предпоследнюю страницу одной поучительной книги, лесная фея перелистнула её, но книгу вдруг захлопнула, раздумав дочиты-

вать – она знала и так, чем всё закончится в той истории. И поднялась, и повернулась, ибо лёгкий холодок упал на плечи. Озябнув, поёжившись, обратилась писаная красавица в котёнка маленького, котёнка чёрного: теперь не холодно, не страшно ей; греет естественная шубка из многочисленных пушистых ворсинок. И белый галстук на груди, и белые же лапки. Единожды мяукнув, кошка скрылась в черноте...

– Даю главу на отсечение, что тут поработали мои собратья! – Воскликнул обычно не эмоциональный Махенна. – Смотрите: сие есть гномья работа!

И впрямь: так обращаться с морионом могла лишь порода *кхуздаиль*; перед смертью, схваченные Алмазным королём, они трудились ради Его блага, а после были съедены жестокосердно.

Покинув пределы пустующего тронного зала, горе-путешественники посетили столь же пустую, смежную с ним комнату много меньших размеров. И в комнате этой наличествовали часы в трёх экземплярах. И стрелки одних часов шли обычным ходом; сии часы находились в центре. И по левую руку от них громоздились часы другие, шаг стрелок которых был раза в два медленней. И по правую руку от средних часов – часы третьи, и шаг их стрелок был раза в два быстрее.

– Что же это? – Вопросал эльф.

– Часы медленные, часы обычные и часы скорые... – Добавил Тефей с тем же недоумением.

– Похоже на Прошрое, Настоящее и Будущее. – Ответил

им гном. – Хотя, до конца я не уверен; возможно, я ошибаюсь.

Выйдя из комнаты с часовыми механизмами, троица проследовала в ещё одну комнату, которая напомнила Эльданхёрду ботанический сад в замке его предков, Махенне – его оранжерею, а Тефею – его рассаду.

Эта комната оказалась единственной «живой»: в саду на ветвях миниатюрных деревьев мирно спали *ленивцы* и *соня садовая*; тишь, да гладь, и божья благодать. Небольшие *муравьеды* топали, как ежи, ища себе пропитание, а очень шустрая улитка с, похоже, деревянной раковиной тщательно вымывала окна.

При виде незваных гостей муравьеды бросились врассыпную; улитка, остановившись, подняла свою голову; садовая соня же, не просыпаясь, лениво перевернулась было на другой бок, но чуть не свалилась с ветки.

Друзья рассмеялись.

– Похоже, и великану не чуждо взирать на природу! – С упоением вдыхал ароматы Тефей. – Удивительно: здесь нет зимы; прямо райский уголок.

– Меня больше волнует, с какой целью Он держит всё это. – Вставил практичный эмпирик Махенна.

Оставив позади и эту комнату, дабы не тревожить лишний раз животных, приятели завернули в очередное помещение этой бесконечной галереи. И оказались они в Его личном кабинете: се, ошибка это их, важное упущение, ведь хранит там

Он в сундучке ровно тридцать три тысячи самых мелких из Его алмазов, но самых дорогих.

Куда подевалось королевское величие эльфийского принца? Откуда у учёного гнома столько прыти? Как не стыдно человеку быть столь любопытным? Будто воры, лазали они по всем ящикам; всё что-то вынюхивали да искали. Оттого весьма неприятно стало великану; не по Себе Ему. Но Бендикс ничем не выдал Себя, оставаясь по-прежнему невидимым.

Тефей, как ребёнок, вертел в руках *палантир*, точно это игрушка; Махенна, растеряв остатки совести и бдительности, подсыпал на всякий случай в чашу несколько капель яда – авось Алмазный король выпьет да помрёт?

Эльданхёрд же, шагая из стороны в сторону, держался за голову – от радиации, излучаемой кобальтом, у него страшно разболелась голова.

«Мне нравится делать зло, мне хочется творить зло», Бормотал эльф про себя всякую нелепицу.

В этот самый миг лопнуло у владыки бриллиантов, у властелина всех камней всякое терпение: явился Он пред очи «поганных самодуров», пред очи этих воришек, и суров до крайности был глас Его:

*Кто взял Мой хрустальный шар,
Не спросив Меня?
Кто Мне яду подмешал*

Среди бела дня?

Стой, где очерчен мелом круг, –

Как Мне приятен твой испуг!⁵

Далее Он взвизгнул режущим слух фальцетом несколько прогрессивных вокальных зарисовок, тяжёлым металлом сыплющихся на головы «дармоедов и казнокрадов» откуда-то сверху.

Всё, что не делается – делается к лучшему; подобное подобным – и эльф очнулся от непонятного дурмана, сковавшего его тело и разум, а гном и человек вмиг перестали трогать без спроса чужие вещи.

– Что делаете вы в чертоге Моём?! – Рывкнул, рыкнул басом Алмазный король в обличье Бендикса что было силы так, что задрожал и свод, и фундамент. Недовольству Его не было предела.

– Ты Сам вынудил нас заявиться! – Храбрился Эльданхёрд, натягивая лук, и целясь великану промеж глаз. – Много бед Ты обрушил на головы всех живущих; нет с Тобою никакого сладу! Сгинь навеки, лоботряс, и впредь не издевайся больше ни над кем!

Бендикс оглядел бунтующего эльфа с натянутою тетивой; гнома, выхватившего топорик и человека, взявшего в руки

⁵ Песня ВИА «Ария» из альбома «Генератор зла» (1998). Текст песни написан Маргаритой Пушкиной. Отрывок этой песни присутствует в книге, потому что оказался идеален для сюжета (*Прим. авт.*).

эльфийский двуручный меч. И столь комичной показалась лиходею данная картина, что Он попросту расхохотался.

– Ахахах! – Конём ржал великан. – Бугага! Ихихих! Эхех!

Совладев с порывом Своим, владыка бриллиантов посе-рѣзнул, и последующая речь Его тучей чёрною накрыла наг-лецов:

– Да как вы смеете? В Моём же доме, ставить Мне усло-вия? Это частная собственность; приватизированная терри-тория...

Всю смелость, всю решительность «бахвалов» как рукой сняло; попадало оружие на пол.

– Вы всерьёз считаете, что втроём Меня одолеете? Счита-ете, вам сие – под силу? – Посмеивался хозяин всех блестя-щих, драгоценных вещей. – Я одним Своим дыханием враз вас заморожу; Я тот, кто убил Бога.

– Что-то не похоже, что Ты весь из Себя прямо такой уж злой! – Воззвал к совести великана благородный эльф. – Од-них калечишь, других – лечишь? В твоём саду животным раздолье; не трогаешь Ты их. Нет там, на траве обглоданных костей!

– Признаться, Я и Сам не рад, когда так поступаю, – За-думчиво молвил Бендикс, ни к кому особо не обращаясь. – Все беды – от безделья.

И приказав гостям сесть, сел и Сам.

– Я миллионы лет был один; совсем один. И скучно Мне было с окружавшими Меня летучими мышами, грифами да

воронами – бестолковые создания; не чета Мне. Других же тварей Я не замечал – ужасная лень довлеет надо Мною; проклятие это Моё. Но у Меня всё наоборот: как человек к концу жизни своей замедляется в деяниях своих, в силу возраста и болезней хронических – так Я ускоряюсь, как Вселенная, как Время. Мне Самому осточертела Моя лень, и Я научился шить, вязать, обрабатывать поделочные камни. Я обиделся, что никто не водит дружбу со Мной, ибо Я весьма велик в объёмах. Я подумал, что ваши племена, ваши народы вытеснят Меня с нажитых Мною мест: чем больше рыба, тем большее ей надобно пространство; понимаете? И стал Я Бендиксом, и делал мины, рожицы весёлые на лице Своём; думал, что понравлюсь людям, но прогнали Меня взашей. И вкусил Я с досады человеческую плоть, и понравилось Мне сие весьма. И стал Я людоедом, но Сам Себе противен оттого порою. Я уже начал работать над Собою: Я не сгубил ни твоего отца, Тефей (ведь так тебя зовут?), ни твою зазнобу, эльф – похоже, что и впрямь меж вами взаимное чувство. Если Я – злой, это ещё не говорит о том, что Я – плохой.

– Скорее, это полуправда; как всегда. – Сказал Махенна, и был сей гном здравомыслящим весьма. – Дезинтегратор, инсцениратор, манипулятор! Пытаешься Ты обелить Себя, словно жертва – Ты. Думаешь, мы Тебе поверим? Поймём и запросто простим?

– Говорят, слово великана дорогого стоит. – Ответствовал Тефей, многозначно глядя на Алмазного короля. – Коль по-

щадил Ты в своё время *Нормана*-скрипача, а теперь – ещё и *Лунную Радугу* – стало быть, не всё ещё потеряно, и есть в Тебе хоть капля совести.

– Мне бы хотелось доказать обратное, – Вздохнул Бендикс. – Вот, хотел бы Я предложить вам сыграть со Мною в игру, которую Я когда-то изобрёл.

– И что же это за игра? – Поинтересовался Эльданхёрд, с явным недоверием взирая на хозяина северных гор.

– Нас с вами четверо: ваша троица да Я; но до полноценной игры недостаёт семерых, и плюс ещё судья.

И взяв со стола хрустальный шар, обратил его Бендикс в мяч резиновый – се, в *футбол* решил Он поиграть.

И призвал для полноценного состава тринадцать своих *свирипеев*, двое из которых уселись на скамью запасных; Себя же назначил судьейским, хотя Сам играл Он справно, хорошо, и мог бы продемонстрировать Себя во всём Своём великолепии. И переодев в специальную форму Себя и всех остальных, разъяснил Он правила. И повёл их в зал, и сказал:

– Коль победа станется за вами – пощажу Я каждого из вас, и отрину всю неистовую дерзость вашу. Сверх того, Я снизойду до того, чтобы испрашивали у Меня любую просьбу вашу.

Итак, раздался свист, и вот: Махенна на воротах, ибо глупо по полю зелёному бегать такому упитанному бородачу, как он. И на других воротах – один из свирипеев. И началась игра, и продолжалась она целый день.

И узрел владыка бриллиантов, что чересчур хорошо усвоили правила Его гости; чаша весов склоняется в их пользу.

«Как бы Мне перемудрить, перехитрить этих проныр», думала-гадала одна часть великана. «Да пёс с ними; отпущу», твердила в ухо другая.

И раздваивался Алмазный король, чётко понимая, что либо останется Он без ужина вкусного, либо вновь прольёт кровь невинных жертв.

«И в том, и в этом случае остаюсь один», мрачно раздумывал Бендикс. «Как же Мне надоело наносить Себе этот дурацкий грим! Если отпущу с миром этих троих – останусь опять с всякими *гоблинами*, *ограми* да свирепеями; гадами ползучими и гадами летучими, гадами пахучими и гадами плавучими...».

Но вспомнил в последний момент великан, который уже занёс карающую длань над троицей несчастной, что слово дал Он.

– Так уж и быть, негодники, – Смилостивился властелин кристаллов, сердитый горный страж. – Ваша взяла, будь вы трижды неладны! Матч сей завершился со счётом «7:5»...

И пригласил победителей на ужин, дабы разделили они с Ним скромную трапезу Его. И внесли крысята-поварята в белых колпачках на подносе хорошо прожаренную ручонку маленькой девочки, и плохо стало Эльданхёрду – ибо, кажется, признал он вдруг останки Эбигейл.

– Постой, – Протестует с отвращением эльф. – Ты же обе-

щал! Сказал Ты, что более не людоедствуешь...

– Ты так говоришь, *будто это что-то плохое*; сначала попробуй, а потом говори. – Разобиделся каннибал. – К тому же, в чём Я соврал? Этой ручке много сотен лет; её вытащили из рефрижератора. А новых трупов в нём уже нет давно... Не похищаю Я никого больше с целью скушать.

Тогда рассказал Эльданхёрд всё про Эбигейл; и Тефей, что родом из племени людиянского, подтвердил слова его:

– Видеть сам я не видывал, но неоднократно слыхивал обо всех байках, мифах и легендах, что в ходу у народа нашего, и история об Эбигейл – одна из них. Ну, а не доверять рассказням друга своего у меня оснований нет.

– Воистину, Я её съел; пожрал да сгрыз. – Признался, наконец, Алмазный король. – Увы, скверен Мой поступок; проступок, коль быть точнее.

– Она не успокоится, пока не отомстит. – Подумав немного, заявил эльф. – Я пообещал ей, что найду и изничтожу негодяя, где бы он ни был, и вот: я перед Тобой. Что будем делать? Ведь сказал Ты, что имеем право мы просить чего угодно.

И надрезал длань Свою Алмазный король, и вот: голубая кровь вытекла из Его раны, марая всё вокруг. И сказал Он так, обращаясь к принцу:

– Капля Моей крови не покроет всех её стенаний и терзаний; убить Себя не дам. Я предлагаю восстановить справедливость иным способом, а именно: Я собственноручно вос-

крешу её, ибо Я, как ты и гном твой, в магии искусен – впрочем, ты осведомлён.

– А я думал, что лишь Творец всех воскрешает – но ведь Ты убил его! – Нашёлся тут Тефей.

– В сём солгал – Я не Богоубийца; но стараньями Своими Я сгубил в вас всех веру в него. Он есть; в этом можете не сомневаться.

И восстал из-за стола Алмазный король, и вышел прочь, велев слугам Своим уложить путников спать. Сам же взял да и воскресил одну маленькую шестилетнюю девочку. И попросил у неё прощенья, стоя на коленях. И за руку привёл Эбигейл к родителям её.

И молвил Алмазный король:

– Вот, премного виноват Я пред многими; искренне Я сожалею. Я взял и переписал вашу судьбу заново, и теперь, спустя сотни лет, вы заново живёте, и по-другому сложится жизнь ваша; более счастливой будет она.

И стала Эбигейл единственным антропоморфным существом, кому, помимо свирепеев, явил Алмазный король истинный лик Свой, без устрашающего чёрно-белого грима, без этой ужасающей трупной раскраски, без этого пугающего, настораживающего *корпспэйнта*. И рассказал Он Эбигейл добрую сказку про красавицу и чудовище, основанную на реальных событиях: поведал Бендикс историю о Нём и Лунной Радуге; о том, что с главы её не упал ни единый волос. И спел великан Эбигейл колыбельную, аккуратно, осто-

рожно и в последний раз держа её кроватку в Своей огромной ладони. И засыпая, простила бывшего людоеда маленькая девочка; отныне не будет она призраком и перестанет мучить по ночам постояльцев в гостиничных номерах. С тех самых пор перестал приходить к *Ваммиху* некто, утверждавший, что он – правнук Эбигейл; тот, кто всегда расплачивался за пищу и ночлег одной и той же монетой.

8. И пришла весна

Обеспокоенный долгим отсутствием сына, *Даннор* созвал большой совет, на котором высшие чины королевства приняли решение отправить в горы войско. По чисто случайному совпадению аналогичное решение было принято королями гномьих и людиянских земель.

Поскольку *Алмазный король* более не скрывал, где прячется, и приоткрыл магический купол над владениями Своими, Его тайное местоположение вскоре было разгадано, и на тот отрезок времени, когда *Эльданхёрд*, *Махенна* и *Тефей* гостевали у великана третий день, великая пешая рать вторглась к Нему с лихом.

В это время расслабившийся *Бендикс*, не глядя в *Тихий омут*, не выпытывая ничего у Своих соглядатаев – а потому ничего не подозревавший – проводил с теперь уже друзьями беседу.

И возжелал Он задать Свой излюбленный вопрос – такой вопрос, какой Он задавал всем без исключения – всем тем, кто имел честь хотя бы раз бывать в Его ледяной крепости:

– Есть ли у вас мечта?

– Я мечтаю о заоблачных вершинах; мечтаю безмятежно почивать на мягкой облачной перине, витая среди звёзд, Солнца и Луны. Мечтаю также и том, чтобы всю отпущенную мне вечность заниматься саморазвитием, самосовер-

шенствованием; познавать всякие разные великие науки и тайные знания, и впоследствии передавать их другим. Пуще же всего я мечтаю о том, чтобы пришла весна, и я обрёл покой с возлюбленной своею; чтобы она простила меня и стала мне женой. Чтобы жить с ней единою семьёй; чтобы она стала матерью моих детей и хранительницей домашнего очага. Я мечтаю о том, чтобы не быть столь слабым, каким я являюсь сейчас; чтобы я смог постоять за женщину свою, за детей своих, за дом свой и за земельный участок свой. Пусть я не буду королём – что ж; главное, быть счастливым с Лунной Радугой. Пусть удача улыбнётся мне, и тогда я смогу из тысячи узнать свою лесную фею. Но если ошибусь? Не отвернётся ли она? Ведь я так люблю её... – Поведал о своей мечте эльф.

– Я жажду тёмных и глубоких подземелий, в которых таятся несметные сокровища; гномам всё милей подземка. Я мечтаю сыскать самый крупный алмаз и собственноручно огранить его в бриллиант. Я хочу продолжить дело деда и в алхимической мастерской эмпирическим путём заполучить *философский камень*. Я хочу обучить своих будущих детей и внуков всему тому, чем владею сам, а именно кузнечному, ювелирному, оружейному ремеслу. Я желаю не просто читать книги и полезную информацию в них – я хочу сам писать их, иллюстрировать их, верстать их, печатать их. Я стремлюсь к тому, чтобы доносить до каждой души знание – и неважно, гномья она, эльфья или человечья. У каждого

из нас есть как преимущества, так и недостатки; в первых можно поднатореть, а вторые – сгладить. Однажды я изобрету машины, механизмы, дабы всем стало ну хоть чуточку проще, чуточку легче. Но чтобы дело моё не отразилось негативно на окружающей среде – вот о чём сутками болит моя голова. Я добьюсь того, чтобы мои потомки дышали таким же чистым воздухом, каким дышу сейчас я; чтобы земля, воздух и вода не были отравлены побочной продукцией моих свершений. – Поведал о своей мечте гном.

– Я хочу скитаться по морям и землям в поисках приключений, в поисках неизведанного, ради всяких всевозможных открытий, которыми будут гордиться мои соплеменники. Но не огнём и мечом – словом добрым я мечтаю достигать поставленных перед самим собою целей. Движет же мной не гордыня и не тщеславие. Я хочу понять тайну мироздания, я хочу войти в контакт с Богом, я хочу с ним подружиться. Я хочу однажды своими глазами увидеть далёкие планеты. Я хочу, чтобы в мире этом больше никогда не было никаких войн, разногласий, споров, ссор, бытового насилия, экспансии, агрессии, эксплуатации; хочу, чтобы все забыли эти ужасные слова, как страшный сон. Я желаю, чтобы конституция любого из королевств зиждилась на справедливости, морали, нравственности, этике и эстетике. Я мечтаю о том, чтобы никто ни в чём не нуждался; чтобы не было нищеты, голода и холода. Страстно желаю, чтобы никто никогда ничем не болел; чтобы все жили в достатке, мире и согласии. Чтобы

меж нами царили вечная дружба, взаимопонимание, взаимодоверие, взаимовыручка. Чтобы у каждого имелся свой собственный дом, и свой собственный земельный участок; чтобы каждому хватало всего. Мечтаю, чтобы потомки сохранили этот край таким, каким его запомнили мы – удивительным и прекрасным (хоть и временно замороженным). Чтобы они помнили и знали, что вечная зима была не всегда, и чтобы они надеялись, что весна всё же придёт. Мечтаю, чтобы и дальше росли вековые деревья, ибо они – пристанище эльфам; чтобы горы не оскудели от руд, ибо гномы живут этим. Мечтаю, чтобы люди любили друг друга. – Поведал о своей мечте человек.

И весьма призадумался Алмазный король, и возложил главу Свою на длани Свои. Внезапно перед Ним пронеслась вся Его жизнь...

– А какова же Твоя мечта? – Хором спросили трое у одного.

Однако не успел владыка бриллиантов, властитель кристаллов что-либо ответить – упали ворота, упали двери, и на пороге – орды алчущих возмездия.

– Долго, долго Ты издевался над всеми нами! – С острым мечом в руке голосил Даннор. – Опутал чарами колдовства Своего наш лес, и вот: он умирает. Негде больше нам жить; распадается королевство моё.

– Тебе мало Своих камней – так Ты сунулся и к нам за самоцветами? – Наступал *Фрор*.

– Это Ты переодевался в Бендикса и клоунадою своею пудрил мозги детям нашим, входя к ним в доверие! – Рвал и метал *Норман*, будучи уже дремучим стариком. – Впоследствии ты похищал и поедал их; пришли мы за расплатой!

Алмазный король, которого заставили врасплох, укоризненно бросил Эльданхёрду, Махенне и Тефею:

– Подлым вы сочли Меня – не подлость ли, когда за вами и увещеваниями вашими – вооружённое до зубов войско?

Троица пыталась оправдаться, но тщетно. И стояли они сейчас меж великаном Севера и стеной лютующих, точно между молотом и наковальней.

И вскрикнул Даннор, сына подзывая:

– Чего же ты стоишь? Скорее же под наши стяги! Тебя лишь ждём; тогда обрушим мы всю мощь, всю злобу свою на лиходея окаянного, что стольким существам попортил жизнь.

Примерно те же самые фразы донеслись от гномов и людей – с обращением к Махенне и Тефею соответственно.

Но троица осталась на месте; троица упряма.

И ответили трое так:

– К чему весь ваш спектакль? Он хорош в театре. К чему вам уподобляться великану? Который, между прочим, всю вину свою признал; Он осознал. Он кается весьма...

– Он жалок; побивания и трёпки Он заслуживает! – Громыхало войско.

Тогда понял великан, что трое Его гостей здесь не при

чём; понял также и то, что столкновения Ему не избежать.

– Ну, хорошо. – Предупреждающе скрестил руки Алмазный король. – Вы сами напросились...

И пошли все труды троих искателей прахом, ибо преобразился вмиг Бендикс, и вот: предстал пред всеми уже не фокусник с тростью-костью, в шляпе-цилиндре, фраке/сюртуке и чёрно-белой краской на лице! Нет: то явился, вытянувшись во весь свой исполинский рост, владыка бриллиантов.

Ходячая гора играючи начала расшвыривать бросившее ему вызов войско.

И почернело небо за окном, и погасли свечи. И явились тринадцать безликих, восставших умертвий, с бичами и палицами в руках. И тащат Фрора, Нормана и Даннора к Палачу, на *Место плача*. И стекаются в тронный зал всякие гады, ведомые верным псом Алмазного короля. И скалил пёс пасть свою, о клыках острых, в предвкушении добычи, наживы скорой.

И ровно вполонину уменьшилось объединённое войско; с ужасом наблюдают трое приятелей за всем этим безумием. Они пытались зажать уши – но всё равно всё слышали; они пытались закрыть глаза – но веки не опускались, а ладони – не слушались. Они пытались вставить хоть слово, но гвалт не прекращался; нет ему венца.

Бьёт Даннор, рубит Фрор, колотит Норман – есть потери и среди их врагов. Даже великан стоит, шатается, ибо наслася на Него целая армия пришлых воинов.

– Ну, вот и всё. – С улыбкой на лице вещает повелитель кристаллов. – Может, оно и к лучшему? Разграбили Меня, рассыпали все камни. По полу валяются и они, и битые обломки – всё, что осталось от хрустальных люстр. Им всем, *солдатам Правды* всё равно конец, ибо мы одолеваем – но Я Сам уже устал столь долго жить...

Не принимающие участия в сражении Тефей и Махенна пытались разыскать трёх королей и отговорить их. Когда они нашли их, то каждому из королей твердили поочерёдно:

– Уведи своё войско; не губи своих вояк. Пожалей родителей их, их детей и жён. Довольно уже кровопролития! Так мы ни к чему не придём...

Но короли не внимали гному и человеку.

Эльданхёрд же, найдя Алмазного короля, начал отгонять от Того ратников:

– Перестаньте же! Или вы не видите, что Он – изранен?!

И встал эльф между великаном и воителями. И отгоняя одних, поворачивал свою голову назад, к великану, и просил, молил Его:

– Бендикс! Ради Эбигейл, которая Тебя простила; ради Лунной Радуги, любовь к которой мы с Тобой разделили – опомнись! Одумайся, прошу! Что же вы все делаете?!

Громкий крик чуть ли не плачущего эльфа заставил всех остановиться.

– Посмотрите на себя! – Орал Эльданхёрд. – Кому лучше от богопротивной мести этой? Прекратите же, и разойдись

по домам!

И вытянулись у всех слушающих лица; вытянулись озадаченно.

– Я верю, – Хрипел эльф, почти сорвавший себе голос. – Я верю, что можно иначе. Я верю, что Бендикс способен быть хорошим и отзывчивым – таким, как мы с вами до сего дня.

Тогда побросали все оружие, и подошли ближе, ибо слов эльфа было уже не различить.

И шёпотом рассказал всем Эльдanhёрд о добрых поступках великана, о Его благородстве и справедливости в последнее время.

И задумались весьма воины опытные, и стали короли держать совет.

Посоветовавшись же с часок, молвили тогда владыки гномов, эльфов и людей:

– Мы отступим, хотя готовы биться до последнего вздоха; мы отведём всё войско своё – но и Алмазный король пусть чем-нибудь докажет искренность помыслов, намерений своих.

Тогда в знак доверия, в знак возможной будущей дружбы владыка бриллиантов раскрыл на ухо трём королям месторасположение сердца Своего, шепнув:

– Отведут вас туда тринадцать; можете уничтожить Моё сердце, коль пожелаете – в вашей Я власти. Устал Я от Самого Себя...

Но короли, тронутые честностью великана, воздержались

от похода к огромному каменному столу, накрытому магическим куполом и являющему собой жертвенный алтарь, в котором и покоится сердце из кобальта, алмаза и льда.

– Верим мы Тебе; довольно на сегодня. Сойдём же с поля брани, и топор войны зароем.

И пришла пора прощаться; много было слёз, объятий и рукопожатий. И суждено было стать Махенне будущим королём гномов, а Тефею – будущим королём людей, ибо именно за такими неординарными личностями пойдёт простой народ, держаться будет за них.

Наречено и Эльданхёрду воссесть на эльфийский престол, но молвил он своему отцу Даннору так:

– Либо я буду править совместно с Лунной Радугой – либо не буду править вовсе. Она досконально знает лес и все хотения живущих в нём; она – воплощение всего самого хорошего. Прими же её, отче, когда вернусь я к тебе вместе с ней; будь добр и многомилостив к ней. Что же до задания твоего – знай: под *шестым чувством* люди понимают и интуицию, и опыт, и любовь; совсем, как мы иль гномы.

Даннору же ничего не оставалось, как смириться и благословить наследника; тот же во весь опор поскакал в ту часть леса, куда эльфы обычно не суются.

Прибыв в лес, Эльданхёрд всюду разыскивал в нём *лесную фею* – ту самую, ту единственную, что так запала в сердце ему.

Трое суток прошли в бесплодных поисках, покуда не вы-

вело провидение эльфа на опушку, на которой – надломленное дерево. И при приближении чужака ровно тысяча рыжих и пушистых белок выскочила на полянку, тут же скрывшись за подкошенным деревом, аки за крепостью какой. И зоркими, внимательными, изучающими глазами глядели белочки на незнакомца, пережёвывая во рту лесные орехи.

И подошёл эльф ближе, и скинул с себя и щит, и меч, и лук, и колчан со стрелами.

– Вот, явился в лес я без оружия; ищу я Лунную Радугу.

Средь белок раздался смешок, а ухо эльфа поймало нечто вроде: «Ищи! Найди!».

Эльф же, проходя мимо выстроившихся в ряд длиннохвостых существ, молил об одном:

«Пожалуйста, подай мне хоть какой-то знак! Если я дорог тебе, если я хоть что-то значу для тебя – помоги мне! Сделай шаг навстречу...».

Тогда Лунная Радуга, не выдержав больше сего представления, невольно пустила слезу, и сама себя пожурила за это.

Эльданхёрд, заметив, что одна из белочек чуть не плачет, а щёчки её так и горят, смело подошёл к ней. Бережно, осторожно, аккуратно он взял её на руки, крепко обнял и нежно поцеловал.

Умчались тогда все другие белки прочь, а эльф, не веря своим глазам, видит, что целует её – Лунную Радугу! Которая ещё краше, чем прежде.

– Я знал, что это ты! А если не знал – то догадывался!

– А если бы я не подала тебе знак?

– Тогда я всматривался бы в каждую белку, ища тебя до скончания времён; коль не нашёл бы – то и умер тут же! Как ты? Как чувствуешь себя? Как жила ты эти месяцы? Всё ли с тобою справно, хорошо? Я дико скучал, я дни считал; я ждал, когда вновь встречу с тобою! Мне не хватает бесед с тобою, мне не хватает твоей улыбки...

– Нормально со мной всё; благодаря тебе я навсегда простилась с превращением! Отныне я такая, какой меня ты видишь пред собою – не будешь ли скучать по разным образам моим? Не будет больше феи-кошки, феи-лисы, феи-русалки, феи-птицы, феи-белки!

На это принц, своим страстным поцелуем в уста сахарные расколдовавший писаную красавицу, опустился пред нею на одно колено, и протянул ей коробочку с колечком:

– Я прошу руки твоей, госпожа моего сердца; я люблю тебя, и хочу быть рядом в радости и горе, опорой навсегда.

Но замешкалась тут будущая королева:

– Я тоже, но... Мой лес – мой дом; не могу забыть, нестерпимо бросить. Таять буду я в твоих хоромах, в тереме, в полатях белокаменных! Всё милей мне лес; вотчина она моя...

– Мой дом – не в этом ли лесу? – Настаивал Эльданхёрд. – Я не прошу всю вечность посиживать на троне! Каждый день ты можешь приходить сюда, и я – вместе с тобою! Ведь я так же полюбил листву, траву, и живность всякую; приятно, радостно для глаз. Ждёт тебя единорог в конюшне королев-

ской, а мои друзья строят нам большое судно – дабы сбылась твоя мечта, и речным путём мы выйдем в море-океан!

– Мечта моя и многих также в том, чтобы весны дожидаться... – Взгрустнулось лесной фее. – Вдохнуть аромат цветов, и прикоснуться к кроне дерева цветущего.

– Посмотри вокруг! – Не унимался эльф. – Иль ты не видишь?

И впрямь: владыка бриллиантов в очередной раз сдержал своё слово, наклонив земную ось! Цветут цветы, ползёт трава; распускаются деревья. Проснулись звери от зимней спячки, повылазили из своих норок.

И зарделась Лунная Радуга от радости, и кружится в танце с Эльданхёрдом! И подъехала карета; несёт эльфийский принц в руках своих к карете свою суженую! Се, им счастье уготовано, и вечная любовь...

Оставшись наедине с Самим Собою, Алмазный король, аккуратно сложив в Свой сундук все алмазы, силою магии Своей отстроил всё, что было разрушено в ходе недавней битвы. Се, стоит Его замок ледяной, как новый.

Подойдя к центральной части Своего тронного зала, великан северных гор решил оставить Своё плохое «Я» на дне Тихого омута, а сам мысленно пожелал остаться Бендиксом – но Бендиксом добрым; волшебником и фокусником, который бы дважды в году «пугал» детей какими-нибудь выходками.

– Я больше не люблю Тебя. – Сказал Нарцисс, глядя на

отражение Своё. – Я больше не хочу, чтобы Меня боялись. Я хочу утопить Свою лень глубоко и навечно; Я не желаю больше похищать, убивать и поедать.

– Но тогда Ты больше никогда не сможешь быть таким вот колоссом и исполином, – Предостерегающе, предупреждая булькнули Ему в ответ. – Ты навсегда останешься в обличье Бендикса!

– Позволь лишь грим на более жизнерадостный сменить! – Взмолился Алмазный король, стоя на корточках. – Чтобы вид Мой не был отталкивающим! А Я буду щедро одаривать всех на ярмарке самым вкусным, самым сладким мороженым в мире! И по одному небольшому алмазу, также в подарок – их у Меня ещё много.

– Будь по-Твоему. – Ухнул Ему Тихий омут. – Если вдруг передумаешь – будет уже поздно.

Но великан был твёрд, упёрт.

Тогда, за несколько лиг отсюда раздался страшный треск: одинокий валун на не менее одиноком ледяном утёсе вдруг начал потихоньку рассыпаться. Вскоре синее нагромождение обрушилось с взрывом, и чуть не убило стаи летящих над пропастью перелётных птиц; и пребывали пернатые в страхе и ужасе от увиденного и услышанного, ибо грохот на время ослабил их слух, а глаза резало от вспышек. Гнетущий светильник погас, а то, что заставляло его светиться – теперь на дне глубокого ущелья.

Камни, учуяв инородное тело, начали усиленно нагревать

друг друга, и энергия эта передавалась всё дальше и всё выше. Тогда гигантская сосулька, коей некогда являлся водопад, снова ожила; вновь катит свои воды водопад, катит вниз, размывая скорлупу с великаньим сердцем. Скорлупа отшелушилась, а сердце – отмылось от чёрного налёта.

И просветлел душою и разумом Бендикс в логове Своём окончательно, бесповоротно, и воспрянул духом. И избавился от всех тягот, что теребили Его, ибо возвратилось к Нему обновлённое сердце, с фонтаном выпрыгнув из Тихого ому-та, ведь являлись Тихий омут и озерцо, наполняемое водопадом, своеобразными сообщающимися сосудами.

И пошёл владыка бриллиантов, и согрел дыханием Своим все горы Севера, дабы и туда пришла весна...

Примечания

Алмазный король – древний великан Севера, рождённый временем и горами. Людоед и ленивец. Ненавидит эльфов, гномов и людей (в особенности их детей). Умеет превращаться в злого волшебника Бендикса – мага, фокусника и кудесника. Владеет навыками кройки-шитья и огранки драгоценных камней. Обладает отличным зрением, прекрасным слухом и мощными вокальными данными. Прототипы: King Diamond, Саурон, Моргот.

Вампих – хозяин придорожной гостиницы, в которой останавливались Эльданхёрд, Махенна и Тефей. В одном из номеров этой же гостиницы обитал призрак Эбигейл.

Даннор – король эльфов, супруг Лидвельдит и отец Эльданхёрда. Не скор на мудрые решения; всегда в выжидающей позиции. Прототип: Трандуил.

Леанор – эльфийская принцесса, сосватанная к Эльданхёрду. Красивая, но беспечная. Типичная блондинка.

Лидвельдит – королева эльфов, супруга Даннора и мать Эльданхёрда.

Лунная Радуга – добрая, весёлая, смелая и энергичная красавица из породы лесных эльфов. Умеет рисовать портреты и пейзажи, играть на различных музыкальных инструментах и превращаться в кошек любой породы. Владеет всеми видами магии. Прототип: Olli Moonbow.

Лютovolки – огромные, хищные волки Севера; кусачие, с дурным нравом.

Махенна – гном-побратим Эльданхёрда, дальний родственник короля Фрора. Тучен, немногословен, задумчив; предрасположен к различным наукам.

Норман – король людей и виртуозный скрипач. Был похищен Алмазным королём, но помилован Им. Отец Тефея.

Свирепи – очень могущественные духи, злые по своей сути. Обладают даром бессмертия, но всё же в двух случаях их можно уничтожить: если принести в жертву посредством специального обряда, или же дух погибнет, если начнёт творить добро. Прототипы: назгулы, дементоры.

Тефей – друг-побратим Эльданхёрда, внебрачный сын короля Нормана.

Фрор – король гномов; серьёзный и отзывчивый.

Эбигейл – призрак убиенной людоедом Бендиксом девочки, которая после своей гибели самовольно вселилась в одну из комнат постоялого двора, мучая того или иного посетителя, надеясь угрозами побудить их найти и наказать её убийцу.

Эльданхёрд – эльфийский принц, сын и наследник Даннора. Импульсивен. Веган.